

НОЯБРЬ 1990

Спортивные Игры

Сердечно приветствую всех вас. Четыре года назад инициаторов и первых участников Игр принимала Москва. Эстафета теперь — в Сиэтле. Пусть это будет рукопожатием через океан.

Игры доброй воли — плод народной дипломатии, которая и спорту — давнему и универсальному средству человеческого общения — придает новый аспект, отражающий глубокие и благотворные перемены во всем мировом развитии.

Высоко ценю ваш вклад в международное спортивное движение и в дружбу между народами разных стран.

Михаил ГОРБАЧЕВ

Игры доброй воли проходят в историческое время, когда мир стал свидетелем эстафеты свободы, которая охватила весь земной шар, неся с собой новые возможности, большее взаимопонимание и новую надежду на длительный мир. Игры доброй воли — это отражение духа перемен, происходящих во всем мире. В конечном счете добрая воля несет дружбу соседям, воздвигает мосты доверия и сотрудничества между народами. Эти игры являются не только дружеским соревнованием атлетов многих стран, но также великолепным примером стремления людей протянуть друг другу руки в поиске общего языка и ценностей.

Джордж БУШ

ДОБРАЯ ВОЛЯ СБЛИЖАЕТ МИР

Дмитрий РЫЖКОВ

Игры доброй воли — они родились совсем недавно и, пожалуй, еще не успели занять свое место во всякого рода спортивных энциклопедиях. Вот почему мне хочется предостеречь будущих авторов энциклопедических разделов «Гудвилл Геймз» от использования трафаретной формулировки: «Игры доброй воли — комплексные международные спортивные соревнования», ибо при всей их чисто спортивной привлекательности эти Игры не вписываются в ряд Олимпийских, Панамериканских, Азиатских и прочих комплексных международных спортивных игр. Не вписываются по многим причинам.

Так что это такое, Игры доброй воли?

Соревнования, собирающие только лучших в мире спортсменов?

И да, и нет. Поскольку кроме сильнейших в мире представителей спорта летом 1990 года в Сиэтл съехались политики, ученые, артисты...

Фестиваль спорта, искусств и науки?

И да, и нет. Поскольку при всей важности проблем, обсуждавшихся на научных симпозиумах и конференциях, при всей притягательности концертов и спектаклей, гвоздем программы все же был спорт...

Коммерческое мероприятие, позволявшее организатору Игр Эду Тернеру приумножить свои капиталы?

В ответе на этот вопрос приходится ограничиться одним «нет». Поскольку «толстосум», не делающий шага без выгоды — сознательно используя формулировку, традиционную для нашего общества на протяжении почти семидесяти лет, — как в 1986, так и в 1990 году вместо того, чтобы приумножить свои капиталы, подсчитывает лишь убытки...

Впрочем, не буду больше утомлять

вас, читатель, вопросами без ответов. Скажу больше: по-моему, сформулировать энциклопедически лаконично, что такое Игры доброй воли, просто невозможно. Они — явление совершенно необычное, событие не вписывающееся ни в какие традиционные рамки. И я это почувствовал еще в самолете, следовавшем по необычному для нашего Аэрофлота беспосадочному маршруту Москва — Сиэтл...

Спортивные «рейсы» для меня вещь привычная — уж и не подсчитаешь, сколько их было более чем за четверть века журналистской жизни. Вот и в начале этого, сиэтлского, все шло как обычно. «Посторонние» пассажиры с любопытством поглядывали на известных спортсменов. Потом, осмелев, начали брать автографы. Но затем на пятом или шестом часу полета...

Сначала в салоне зазвучало грузинское многоголосье. Пение сменил ритмичный рокот, и по проходу в узбекском танце поплыли очаровательные девуш-

ки. А вскоре зазвучало украинское «Ты менэ пидманула...» И в конце концов уже спортсмены потянулись к «посторонним» — послушать, познакомиться. Тогда-то и выяснилось, что «посторонних» на борту практически не было — в Сиэтл летела единая команда, одним из членов которой предстояло выступить на спортивных, а другим — на концертных и эстрадных подмостках.

«Новое мышление преобразило мир» — эта фраза уже стала привычной. Как по ту, так и по другую сторону «железного занавеса», почившего, к счастью, в бозе. И встречи на высшем уровне — наилучшее тому доказательство. Однако отразилось ли новое мышление во встречах на уровне низшем?

...В аэропорту Сиэтла, в северо-западном его крыле, откуда начинался уже наземный маршрут бывших пассажиров Аэрофлота, русская речь звучала чаще, чем английская. Правда, не всегда обе стороны, прибывшая и встречающая, разговаривая по-русски, точно понимали друг друга — американцы-добровольцы, входившие в обслуживающую команду Игр доброй воли, порой пытались компенсировать нехватку словарного запаса энтузиазмом и искренним желанием помочь. Из-за этого возникали иногда недоразумения, в результате одного из которых я вместо пресс-центра в Сиэтле оказался примерно в 20 милях от города, в небольшой «сельской» школе.

Еще по дороге, в автобусе, я выяснил, что еду не в ту сторону. Естественно, высказался — про себя, разумеется — по адресу моего не слишком

Эта и другие фотографии с Игр доброй воли — фотокорреспондента ТАСС Игоря УТКИНА специально для «Спортивных игр»

информированного американского гида. Но вскоре поблагодарил его же за ошибку. Иначе я бы, возможно, и не узнал, как происходят американско-советские встречи на низшем уровне.

Певцы и танцоры, с чьим репертуаром я познакомился в самолете, оказываются, должны были быть расквартированы в американских семьях. И именно их поджидали у школы, к которой подкатил автобус, будущие хозяева.

Первого же вышедшего из автобуса гражданина Страны Советов американцы встретили аплодисментами, переходящими — я не преувеличиваю — в овации. А также упакованным в пакет сытным завтраком, который по калорийности вполне мог сойти за обед. И хотя я поначалу обиделся за соотечественников — в церемонии встречи напрочь отсутствовали цветы, но вскоре вместе со всеми высоко оценил «приземленность» встречи — пища материальная после не слишком, мягко говоря, разнообразной аэрофлотской еды оказалась как нельзя кстати...

В местных газетах в ходе Игр немалое место уделялось рассказам как гостей из СССР, так и хозяев-американцев о том, как обе стороны узнавали

друг друга. Цитатами об успехах «народный» американско-советской дипломатии можно было заполнить десятки журнальных страниц. Но я предпочитаю рассказать лишь о двух эпизодах, свидетелем которых был сам.

...Пассажиры нашего автобуса один за другим входили в школьный спортивный зал, где происходила «аккредитация», и выходили уже в окружении аме-

риканок и американцев самых различных возрастов, радостно увозивших гостей в автомобилях самых различных марок по домам. Толпа быстро редела. И вскоре снаружи остался только один подтянутый, спортивного вида пожилой американец.

Мы познакомились. Стив Ивенс посетовал:

— Жена что-то задерживается в зале... Похоже, на нашу долю никого не достанется... Очень много желающих принять гостей из России...

(Кстати, «гостей из России» американцы принимали, как у нас говорится, «на общественных началах», то есть сугубо за свой счет. — Д. Р.)

Жена Ивенса вышла из школы, грустно покачивая головой:

— Ты понимаешь, — обратилась она к мужу, — эти чертовы организаторы поставили нас в конец списка. А русских приехало меньше, чем ожидалось. Обещают, что завтра прилетят еще... Может быть, окажется кто-нибудь и с Украины. Я просила этих чертовых организаторов, чтобы они учли это...

— У нее дед и бабушка приехали сюда с Украины, — разъяснил мне Стив. И добавил: — Что ж, приедем сюда завтра. По крайней мере первыми будем... А вы не хотите у нас пожить? Может быть, день-два?

Вот так начинались американско-советские встречи на низшем уровне. Заканчивались же они...

...Граница США — для вылетающих из этой страны — незаметна. Показав свой паспорт при регистрации билета и багажа, можно запрятать краснокожую книжницу куда подальше — она больше не понадобится. Не мудрено, что и про-

Тренеры сборной СССР по гандболу, победившей в турнире Игр доброй воли: Спартак Миронович (слева) и Анатолий Евтушенко

вожающие могут идти хоть до трапа самолета, — точнее, до тамбура, ведущего прямо в салон. И они шли целыми семьями — американцы-хозяева не хотели расставаться с гостями до самого последнего момента: они фотографировались на память, смеялись, вспоминая прошедшие дни, и плакали от предчувствия расставания. Когда же я имел неосторожность помочь в беседе одной компании отъезжающих и провожавших, способных разговаривать только «на языке пальцев», то просьба перевести «договор о будущем сотрудничестве» посыпалась со всех сторон. В итоге, например, дочь известного хоккеиста, а ныне тренера Геннадия Цыганкова получила приглашение провести летние каникулы 1991 года в лагере под Сизтлом, а американец Боб Джонс узнал, что его будут ждать через год в Ташкенте. Словом, добрая воля и встречи на низшем уровне настолько сблизили мир, что необходимость облететь полземного шарика, чтобы вновь увидеться с новыми друзьями, уже не пугает. Уверен, никакие Игры, даже Олимпийские, подобного резонанса не имели. И иметь не будут.

А какой резонанс имели события, проходившие непосредственно на спортивных площадках? На гандбольных, например?

— Я стал фанатиком гандбола... Я уверен, что многие в США, увидев воочию, а не на экране телевизора матчи лучших команд мира в Сизтле, увлеклись бы этой игрой. Мне лично она нравится больше, чем баскетбол, потому что гандбол более атлетичен и не имеет практически такого количества остановок...

Кто бы вы думали, читатель, отдает предпочтение гандболу перед баскетболом? Уверен, не отгадаете. Гимн гандболу поет звезда НБА, центровой, вошедший в историю баскетбола, Уилт Чемберлен.

— Мне хочется помочь развитию гандбола у нас в стране. Если бы мы привлекли в гандбольные команды баскетболистов с именем, то это помогло бы популяризации игры... Тем более что даже звездам, достигшим почтенного по меркам НБА возраста, гандбол, думаю, был бы интересен. Да и сам я, будь помоложе, с удовольствием поиграл бы этим маленьким мячом (при этом Чемберлен протянул свою лапищу, в которой гандбольный мяч устроился столь же уютно, сколь мяч теннисный в руке обыкновенного человека). С одной стороны, следует проводить в разных городах США турниры с участием зарубежных команд, подобных тем, что выступают в Играх доброй воли. Волейбольный опыт десятилетней давности говорит о том, насколько полезен такой шаг...

Второе же условие популяризации

гандбола в США — создание специальных программ. Ведь эту игру можно практиковать и на открытых травяных площадках. Как в малых городах, так и в больших. Сначала — в начальных и средних школах. Потом, когда игра понравится ребятам, — а я уверен, что понравится, — и высшие школы вынуждены будут заинтересоваться этим видом спорта...

Не скрою, мне, бывшему гандболисту, приятно было слышать подобное. Приятно и... страшновато. Взлет американского волейбола показал, что, когда в США серьезно берутся за какое-либо дело, прежним фаворитам приходится переживать черные дни. Как, например, нашим баскетболисткам, которые, увы, ныне американкам — не соперницы.

В прочем, финал женского большого турнира между сборными СССР и США был, пожалуй, единственным, в котором игра, как говорится, шла в одни ворота, то бишь в одно, причем в наше, кольцо. Гандбольный финал, СССР — Югославия наверняка заразил гандболом еще немало молодых американцев, помимо Уилта Чемберлена. Да и как мог оставить кого-либо спокойным матч, в котором югославы — а среди них большинство дебютировали в соревнованиях такого ранга, — ликвидировал во втором тайме дефицит в семь голов, уравнили шансы — 25:25. Опять отпустив вперед наших гандболистов в дополнительное время — 28:25, они вновь сократили разрыв до минимума — 28:27 за минуту до финаль-

ного свистка. И только Александр Тучкин феноменальным по силе и точности броском лишил югославов надежд на золотые медали — 29:27.

Любопытно, что в игровых видах спорта, пожалуй, только две страны — СССР и Югославия — максимально серьезно отнеслись к турнирам Доброй воли. И фортуна, отвернувшаяся от гандболистов Югославии, компенсировала им это в финале ватерполистов. Причем в бассейне уже наша команда большую часть времени находилась в положении отыгрывающейся. Дважды — в конце основного времени (6:6) и в первом дополнительном овертайме (8:8) — сравнивали счет, но второй дополнительной трехминутке уступила — 8:10.

Перед финалом баскетбольного мужского турнира, где встречались команды Югославии и США, наш тренер и несколько игроков публично заявили, что хозяев победят. Но, видимо, этот прогноз им продиктовало раздражение от поражения «голубым» в полуфинале, ибо на площадке в день финала югославы, даже потеряв травмированного Паспалья, практически превосходили американцев во всех компонентах, включая — и это было более всего удивительно — защиту.

Волейболисты, впервые после возвращения на тренерский мостик Платонова, дотянулись до серебряных медалей, победив в полуфинале кубинцев. Победу же наших волейболистов в финале над китайками немало журналистов-«специалистов» объясняло желанием наших соперниц не раскрывать карты перед предстоящим чемпионатом мира, что Карполь и его команда блистательно опровергли месяц спустя в Пекине.

Наконец, хоккеисты сборной СССР, большая часть которых уже получила в этом году золотые медали чемпионов мира в Швейцарии, тоже одержали победу на Играх доброй воли. Победу, в которой трудно было усомниться — ведь им противостояли в основном неопытные любители, но которая, сколь это ни странно, досталась им с трудом. Лишь с помощью буллитов.

Впрочем, стоп. Цели и стимулы, которые ставятся у нас перед соревнованиями, подобными Играм доброй воли, требуют особого и аргументированного разговора. Равно как и проблемы организации таких турниров — в преддверии Игр 1994 года, это, по моему, весьма полезно. Да и о том, почему в целом ряде игровых видов мы остались, после ухода ведущих спортсменов в профессионалы, на бобах, тоже нелишне подискутировать. Благо, турниры Игр доброй воли пищи для размышлений дают немало. Вот почему я не ставлю точку...

(Наш спецкор)

Москва—Сиэтл—Москва

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ СТАТИСТИКИ

ВОЛЕЙБОЛ

Женщины

Полуфиналы. КНР — Бразилия 3:0, СССР — Перу 3:1.

За 3-е место. Бразилия — Перу 3:2.

Финал. СССР — КНР 3:1.

Итоговое положение команд. 1. СССР. 2. КНР. 3. Бразилия. 4. Перу. 5. США. 6. Япония. 7. Канада. 8. Куба.

СССР: Валентина Огиенко, Ирина Смирнова, Светлана Корытова, Елена Батухтина, Ирина Пархомчук, Светлана Василевская, Юлия Бубнова, Марина Никулина, Татьяна Сидоренко, Елена Чебукина, Ирина Горбатюк, Ирина Ярковенко.

Мужчины

Полуфиналы. СССР — Куба 3:2, Италия — США 3:1.

За 3-е место. Куба — США 3:0.

Финал. Италия — СССР 3:1.

Итоговое положение команд. 1. Италия. 2. СССР. 3. Куба. 4. США. 5. Голландия. 6. Франция. 7. Аргентина. 8. Бразилия.

Италия: Андреа Гардини, Жильберто Пассани, Фердинандо де Джорди, Паоло Тофолли, Андреа Анастаси, Марко Браччи, Лоренцо Бернарди, Лука Канталли, Андреа Дзорци, Андреа Луккетта, Андреа Джани, Микеле Пасинато.

СССР: Олег Шатунов, Андрей Кузнецов, Александр Шадчин, Руслан Олихвер, Евгений Красильников, Дмитрий

Фомин, Игорь Наумов, Ярослав Антонов, Юрий Чередник, Виктор Сидельников, Владимир Самсонов, Сергей Кухарцев.

БАКЕТБОЛ

Женщины

Полуфиналы. США — Болгария 106:67, СССР — Бразилия 94:87.

За 3-е место. Болгария — Бразилия 83:73.

Финал. США — СССР 82:70.

Итоговое положение команд. 1. США. 2. СССР. 3. Болгария. 4. Бразилия. 5. Австралия. 6. Южная Корея. 7. Канада. 8. Чехо-Словакия.

США: Тереза Эдвардс, Викки Холл, Линетт Вудард, Тэмми Джексон, Дженнифер Эззи, Викки Орт, Викки Буллетт, Соня Хеннинг, Катрина Макклэйн, Медина Диксон, Синтия Купер, Кэролин Джонс.

СССР: Ольга Евкова, Светлана Кузнецова, Ирина Шевчук, Елена Мозговая, Елена Швайбович, Марина Ткаченко, Ирина Минх, Елена Худашева, Ирина Сумникова, Елена Буонатъянц, Наталья Засульская, Олеся Барель.

Мужчины

Полуфиналы. Югославия — СССР 84:78, США — Бразилия 112:95.

За 3-е место. СССР — Бразилия 109:103.

Финал. Югославия — США 85:79.

Итоговое положение команд. 1. Югославия. 2. США. 3. СССР. 4. Бразилия. 5. Австралия. 6. Пуэрто-Рико. 7. Италия. 8. Испания.

Югославия: Лука Павличевич, Велимир Перасович, Зоран Чутура, Тони Кукоч, Жарко Паспаль, Юрий Здовц, Желько Обрадович, Радислав Чурчич, Зоран Йованович, Адриан Комазец, Дино Раджа, Зоран Савич, Сабахудин Билалович.

СССР: Гундарс Ветра, Сергей Базаревич, Виктор Бережной, Олег Мелещенко, Андрей Лопатов, Валерий Тихоненко, Юрий Жуваненко, Андрей Подковыров, Дмитрий Сухарев, Евгений Мурзин, Валерий Королев, Игорь Пинчук.

ГАНДЕБОЛ

Мужчины

Полуфиналы. Югославия — США 21:18, СССР — Испания 29:20.

За 3-е место. Испания — США 24:19.

Финал. СССР — Югославия 29:27.
Итоговое положение команд. 1. СССР. 2. Югославия. 3. Испания. 4. США. 5. Исландия. 6. Чехо-Словакия. 7. Япония. 8. Южная Корея.

СССР: Андрей Лавров, Александр Тучкин, Андрей Щепкин, Василий Кудинов, Юрий Нестеров, Валерий Гопин, Андрей Тюменцев, Юрий Гаврилов, Михаил Якимович, Игорь Кустов, Вячеслав Атавин, Олег Киселев, Константин Шароваров, Талант Дуйшебаев.

ВОДНОЕ ПОЛО

Мужчины

Полуфиналы. СССР — Венгрия 6:5, Югославия — Испания 11:5.

За 3-е место. Венгрия — Испания 10:7.

Финал. Югославия — СССР 10:8.

Итоговое положение команд. 1. Югославия. 2. СССР. 3. Венгрия. 4. Испания. 5. США. 6. Италия. 7. Австралия. 8. Куба.

Югославия: Ренчо Посинкович, Васо Суботич, Дуган Попович, Дубравко Сименц, Игорь Миланович, Виктор Еленич, Мирко Вичевич, Витомар Радован, Мислав Безмалинович, Перича Букич, Анто Васович, Горан Радженович, Александр Состар.

СССР: Александр Чигирь, Вадим Рождественский, Алексей Вдовин, Александр Колотов, Сергей Наумов, Илья Константинов, Сергей Ивлев, Дмитрий Апанасенко, Дмитрий Горшков, Вадим Скуратов, Сергей Маркоч, Владимир Карабутов, Олег Пузанков.

ХОККЕЙ

Полуфиналы. США — Канада 5:4, СССР — Швеция 4:1.

За 3-е место. Швеция — Канада 6:1.

Финал. СССР — США 4:3.

Итоговое положение команд. 1. СССР. 2. США. 3. Швеция. 4. Канада. 5. Чехо-Словакия. 6. Финляндия. 7. ФРГ. 8. Швейцария.

СССР: Артур Ирбе, Олег Браташ, Александр Смирнов, Игорь Кравчук, Владимир Малахов, Алексей Гусаров, Сергей Селянин, Михаил Татаринов, Владимир Константинов, Илья Бякин, Вячеслав Козлов, Павел Буре, Евгений Давыдов, Сергей Немчинов, Валерий Каменский, Алексей Жамнов, Андрей Коваленко, Андрей Ковалев, Александр Семак, Вячеслав Буцаев, Дмитрий Христинич.

ПОКА ЭКЗОТИКА...

ГОЛЬФ: ЗА И ПРОТИВ

Здесь красиво: живописное место, старинная церковь, почти нетронутый (насколько это возможно в городе) уголок природы на столичной улице Довженко... Но первая реплика, услышанная нами, была с явными нотками раздражения: «Лучше бы дом-интернат построили или центр реабилитации». Недовольство прохожих, как оказалось, было направлено против первого в Москве гольф-клуба. Три года назад учредил его шведский миллионер, бывший профессиональный хоккеист Свен Тумба Юханссон. Не он один, конечно, еще 14 фирм-учредителей участвовали в создании этого клуба, о котором уже упоминали в нашей прессе.

«В стране есть нечего, люди злы друг на друга, а вы тут устроили притон для богачей...» — еще одна реплика. Стоит ли удивляться. Этот вид спорта нам почти не знаком. Прежняя скупая информация, действительно, преподносила его как праздное времяпрепровождение «пресыщенных богачей». Но времена меняются: мы уже привыкли к теннису, до недавнего времени тоже считавшемуся спортом привилегированным. Стали пропагандировать регби. Совсем недавно пришел к нам английский сквош. Вот уже и американский бейсбол оказался «всею лишь русской лаптой»... Теперь гольф. «У нас и так все плохо, а эти «золотые мальчики и девочки» в мячик играть будут. Опять все для них и их «золотых родителей»... Общественное мнение улицы нам стало окончательно ясно — пора уже было увидеть собственными глазами.

Нас встретил менеджер клуба — Александр Асонов и проводил к тренеру. Оба были приветливы. Служебных удостоверений не спросили — мы поняли, что представляться совсем нет необходимости. Иван Чистяков — тренер по гольфу, рассказал нам о клубе, о том, как он создавался.

Когда-то здесь была свалка. Рядом с церковью в свое время обосновалась фильмотека, работники которой не утруждали себя вывозом мусора — пленки и катушки выбрасывались прямо на асфальт. Когда Тумба затеял этот клуб, место расчистили, засеяли травой, специальной, предназначенной именно для этого вида спорта. Так появились «Фарзевей», «Грин», «Лунки», стартовые площадки для подачи мяча. Мы тоже получили по корзине мячей, клюшки и «постукали» с удовольствием. Это, действительно, интересно. Потом разговор продолжился.

Работы у учредителей еще бездна. На территории клуба строится помещение для «Бизнес-центра» — так называемый офис. Пока же администрация и подсобные рабочие располагаются в очень симпатичной деревянной «временке». Ну а цель-то у этой затеи какая?

На этот вопрос получили ответ незамедлительно. Прежде всего, популяризация этого интереснейшего вида спорта в Советском Союзе. В перспективе, естественно, создание своей команды и выступление на соревнованиях. Кстати, 30 июня нынешнего года

здесь уже состоялся международный турнир по гольфу, в котором приняли участие иностранные члены клуба и представители спортивной школы, которую и возглавляет Иван Чистяков. Московское городское физкультурно-спортивное объединение учащихся арендует для этой школы поле. Предполагается, что в будущем ее питомцы создадут команду Москвы по гольфу.

Процедура оформления членства, как выяснилось, предельно проста: 12 тысяч рублей переводится на счет клуба — и вы его член. Очевидно, вид у нас был столь обескураженный, что пояснения последовали незамедлительно: не сам претендент это делает, а предприятие, которое заинтересовано делегировать кого-либо из своих сотрудников в этот клуб деловых людей. Можно себе представить, сколько представителей «теневой экономики» или рэкетиров захотели бы приобрести столь престижный членский билет. Заслоном им и стало это главное правило приема — оплата по безналичному расчету, при которой конкретное предприятие выступает гарантом нового члена клуба. И хотя, как принято говорить, «у нас все возможно», ребята из гольф-клуба убеждены, что людей с нечистой совестью и «нечистыми деньгами» в его стенах не окажется. Это исключено.

Итак, клуб работает. Первая цель, которую ставили перед собой его создатели, постепенно достигается — эта игра и у нас становится все популярнее. Вторая тоже достаточно важная — проведение досуга иностранных граждан, работающих в нашей стране. Естественно, за валюту. Что ж, пока нам так остро ее не хватает, и этот дополнительный источник не помешает. Но о наших согражданах здесь тоже позаботились — можно записаться в абонементную группу и научиться играть. Цена месячного абонемента — 48 рублей. Да, дорого. Да, не для всех. Но нас слишком долго обманывали, убеждая, что живем мы в обществе равных возможностей. А и бассейны, и теннисные корты, вроде бы почти бесплатные, тоже были отнюдь не для всех. И все это знали.

Сегодня акценты смещаются: преимущество постепенно переходит от обладателей «номенклатурных кресел» к самым энергичным, активным, готовым рисковать и, главное, умеющим работать, т. е. к подлинно деловым людям. Первый в столице гольф-клуб — не чисто спортивное учреждение. Это клуб деловых людей. Для нас это пока звучит непривычно. Но для того, чтобы что-то серьезно изменить в своей жизни, мы должны будем ко многому привыкнуть. Будем привыкать. А пока тем, кто еще не справился со своим раздражением, выдвинем единственный аргумент: все-таки поля с зеленой травой лучше, чем мусорная свалка под окнами...

**Б. КРИВКОВ,
С. РЯЗАЕВ**

НАЗОВЕМ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ

У себя в редакции мы задумали осветить чемпионат мира среди баскетболисток под уже знакомой читателям рубрикой «Перекресток мнений». Дело было за тем, кому предоставить возможность высказать свои мнения на этом самом «перекрестке». Правда, кандидатура одного автора была практически бесспорной: конечно же главный тренер нашей женской сборной Евгений ГОМЕЛЬСКИЙ.

Да вот беда, сам он по возвращении из Куала-Лумпура ни за что на свете не желал распространяться на тему: «Как наша команда дошла до жизни такой?» Не зная до того на чемпионатах мира никаких других мест, кроме первого, ну в крайнем случае второго, в Малайзии она оказалась лишь пятой.

Но гораздо неприятней то, что вообще горизонты для нашего женского баскетбола видятся довольно мрачными (кстати, не лучше они и у мужского). Куда идет он? Почему,

отчего такой развал? Как можно в огромной стране — пусть и стало штампом это выражение — не набрать 12 девушек, хорошо играющих в баскетбол? Что это, следствие общего развала всего нашего общественного уклада или есть тому и другие объяснения?

Все эти вопросы я решил отложить до встречи с Гомельским по возвращении его из Сизтла. Команда прилетела с серебряными медалями Игр доброй воли — результатом, почитай, оптимальным при данном раскладе сил в мировом женском баскетболе, где гегемонию, похоже, надолго захватила сборная США. Теперь можно было вернуться и к разговору о Куала-Лумпуре.

Идя на встречу с Анатолием МЫШКИНЫМ, я прекрасно понимал, что кандидатуру в оппоненты Гомельскому в этом случае выбираю весьма неоднозначную. Как-никак, а не срабатывались они в сборной, где Мышкин помогал главному тренеру на

выигранном чемпионате Европы, и расстались, кажется, не очень-то по-доброму. Решился же на эту кандидатуру по двум причинам.

Во-первых, очень надеялся, что интересы сборной и нашего баскетбола в целом Мышкину, как, кстати, и Гомельскому, дороже их личных отношений и обид. Во-вторых, прекрасно помнил, с какой платформой выступал на выборах главного тренера сборной в свое время Мышкин. Ему, думалось, есть что сказать. Не только о Малайзии, но, и это в первую очередь, как врачу о больном своем пациенте — о женском баскетболе.

Условия мои собеседники поставили одинаковые: чтобы один не прочитал заранее того, о чем расскажет другой. Я же обещал и обещание выполнил.

Правда, Мышкин тут был в несколько преимущественном положении: он мог прочитать рассказ своего оппонента о чемпионате мира в газетах. Но это уж другой разговор.

После столь холодного душа в авральном порядке последовали смены и в руководстве сборной, и в самой команде. Но составить конкуренции американкам она уже не могла. Надо было менять взгляд на случившееся. Прежде всего избавиться от гипноза побед недавнего прошлого.

У многих еще держалась в памяти картина: несравненная наша Уля (Семенова) занимает место под щитом соперников и, что там ни происходит на площадке, итог известен — она приносит команде добрую половину очков, а с нею и победу.

Стали оглядываться окрест себя. Другой Ули не увидели. Надо было перестраивать игру сборной, исходя из нынешних ее возможностей. Все ж таки не Улей единой был силен наш баскетбол того времени. В Сеул поехал вроде бы достаточно боевой состав. Увы, он смог добыть лишь олимпийскую бронзу.

А вот после 1988 года команда лишается сразу шестерых основных игроков — потеря для кого угодно трудно восполнимая. И вроде бы победный очередной чемпионат Европы еще ни о чем не говорил. Выигрыш в финале

у скромной команды Чехословакии с разницей всего в три очка был достигнут, образно говоря, на грани фола.

Вот в таком положении оказались мы с Вадимом Капрановым перед чемпионатом мира. Надо было подтягивать отстающие компоненты, да что там — просто-напросто дыры латать. Кем заменить столь долго дирижировавшую игрой команды Ольгу Бурякину, лучшую защитницу Светлану Забалуеву, лучшую нападающую Ольгу Яковлеву, лучшего снайпера Александру Леонову, лучшего игрока чемпионата Европы Елену Торникиду?

Ремонт прошел на ходу, и в Малайзии девушки сделали все, что могли. Но того, что могли, оказалось мало не только для победы в чемпионате мира, но и для призового места в нем. В предварительном турнире мы провели восемь матчей и проиграли всего четыре очка: три — сборной Чехословакии и одно — сборной Югославии. Но и этот мизер сыграл роковую роль — наша команда финишировала в Куала-Лумпуре пятой. Так что же случилось в Малайзии?

Среди причин неудачи первой я наз-

Евгений ГОМЕЛЬСКИЙ, заслуженный тренер СССР:

— Чтобы более предметно говорить о чемпионате мира, надо совершить небольшой экскурс в прошлое, в 1986 год, когда сборная США на первых Играх доброй воли обыграла нашу команду с разницей в 23 очка. А чуть позже также в Москве на чемпионате мира был зафиксирован тот же результат, лишь с чуть меньшим разрывом в счете — 19 очков.

вал бы недостаток опыта у наших молодых игроков. Чемпионат мира — это не полигон для испытаний, там уже некогда, скажем, наигрывать связи. Сборные Югославии и Кубы заняли высокие места. А отнюдь не последнюю роль тут сыграло то, что первая выступает в неизменном составе уже в течение шести, а вторая и того больше — восьми лет.

О сборной США я уж и не говорю. В ее рядах мы, правда, тоже увидели немало знакомцев еще по 1986 году, хотя бы великоленную Синтию Купер. Но для этой команды теперь сохранить состав не столь уж и важно. Нынешний уровень баскетбола в США так вырос, что тренеры сборной могли без преувеличения выставить и два, а может, и три равноценных состава.

Чемпионат мира ушел в историю. И все же позволю себе остановиться вот на чем. Долгие годы нашу баскетбольную федерацию возглавлял Николай Семашко. Он имел огромный авторитет во всем баскетбольном мире. Отсюда и уважительное отношение ФИБА ко всему советскому баскетболу, в том числе и к женскому.

Не скажу, чтобы Александр Гомельский пользовался меньшим авторитетом, но времена меняются, и сегодня до женского баскетбола у нашего президента просто руки не доходят. И вот в Малайзии мы проводим тяжелейший матч со сборной Австралии, которой проиграли на Олимпиаде в Сеуле. И тут же — еще более тяжелую встречу со сборной Чехословакии. Соперницы выходят на площадку после хотя бы суточного отдыха, мы не имеем и его. Результаты известны. В основное время девчата выкладываются без остатка, на дополнительное их просто не хватает.

К чему я обо всем этом? Будь и сегодня к нам такое же отношение, что было при Семашко, организаторы турнира просто не постыдились бы поставить нашу команду в столь неравные условия. Возможно, была и еще одна причина: во всех сферах международной

жизни падает сегодня авторитет нашей страны, и спорт тут не составляет исключения. Словом, как я ни доказывал невозможность играть без отдыха, какие доводы ни приводил, все было тщетно.

Прекрасно сознаю всю невыгодность своей позиции проигравшего, тем не менее настаиваю: имей возможность наша команда отдохнуть, мы бы у сборной Чехословакии выиграли. Ну а тут советской сборной впервые за всю историю мировых чемпионатов не оказалось в финальной четверке.

Для дальнейшего анализа мне бы хотелось объединить два турнира: чемпионат мира и Игры доброй воли. Нетрудно догадаться, что в Сизтл девушки ехали просто переполненные желанием реабилитировать себя за неудачу в Куала-Лумпуре. Вопреки «вселенскому» и, мягко выражаясь, не очень доброжелательному телерепортажу Нины Ереминой смею утверждать, что девушки выходили на площадку Сизтла исполненные серьезности, в каждом матче настроенные только на победу. И за тот отпор, что дали американкам в обоих матчах, что заставили тех изрядно поволноваться за исход этих матчей, конечно же заслуживают похвалы.

Но я отдаю себе отчет, что от меня ждут не рассказа о серебряных медалях, добытых в Сизтле, а серьезных выводов из неудач. Вот те, что напрашиваются по горячим следам двух крупнейших турниров четырехлетия.

Помните, на чем «обжегся» Валерий Лобановский на футбольном чемпионате мира в Италии? На чрезмерном доверии к «иностранцам» в первую очередь. Не оправдали надежд и наши «иностранки». Кто мог ожидать такой безынициативной, вялой игры от капитана команды Галины Савицкой? Только потом, оглядываясь назад, я подумал: «А как еще могла сыграть Галина после сезона, безмятежно проведенного ею в Испании, в команде второго эшелона? После тепличной обстановки так взять и сразу — на самую передовую баскетбольную фронт?»

Со Светланой Кузнецовой иная картина. В итальянской «Приоло» она вынесла на своих плечах все тяготы и чемпионата Италии, и Кубка европейских чемпионов, а к нам заявлялась за каких-то пару недель до мирового чемпионата. Чего же было от нее ждать?

Беда в том, что все это выяснилось уже в Малайзии. Тем не менее нам, тренерам, это урок на всю жизнь: сто раз отмерь, прежде чем доверить место в сборной «иностранке».

Видно, пора перейти к проблемам не только сборной, но и всего нашего женского баскетбола. В минувшем сезоне он (кстати, и мужской тоже) остался без единого европейского кубка. Тревожный сигнал? Куда же боле! Но если подумать, то чего было и ждать, если чемпион страны ленинградская «Электросила», сама отнюдь не блещущая сегодня составом, выигрывает у серебряного призера ЦСКА в двух матчах суперфинала 76 очков?

О какой стабильности игры клубных команд, а значит, и всего нашего женского баскетбола можно говорить, если чемпион страны заканчивает сезон с 11 поражениями, а вице-чемпион — с 14-ю?

Так что же предпринять? Прежде всего во всеуслышание признать кризисное состояние женского баскетбола. Тренеры едва не всех клубных команд бросились искать богатых дядей, то бишь спонсоров. Игроки стремятся поскорее одеться в иностранную форму, съездить за рубеж. А думы о спортивной своей форме оставляют «на потом», если вообще держат их в голове.

Да, красивая форма — не последнее дело. Не зорно и за рубежом побывать. Но речь-то идет о том, чтобы эти устремления материального порядка не заслонили спортсменке все остальное, не мешали росту ее мастерства. И очень бы хотелось, чтобы клубные тренеры думали не только о премиях, что получают за игрока, взятого в сборную, но и о том, в каком состоянии передают они туда этого игрока.

Анатолий МЫШКИН, заслуженный мастер спорта:

— Думаю, что первая и весьма существенная ошибка тренеров сборной кроется в планировании ее подготовки

к чемпионату мира. В календаре прошлого года чемпионата СССР можно было заблудиться, как в темном лесу. Одна команда проводит десятков игр кряду, другая сидит вовсе без них. Суперфиналы, плей-оффы — все это тоже тонуло во мраке неизвестности.

Но вот, скомкав концовку, чемпионат все-таки закончили. И уже через три (!) дня игроков сборной, как репок из грядки, выдергивают из клубов, из дома и вновь усаживают на осточертевшие сборы, а потом везут за рубеж. По всем меркам им следовало бы дать отдохнуть. Почему ж не дали? Да лишь потому, что Гомельскому уж очень хотелось в Японию.

Что же так влекло его на Японские острова? Возмужность проверить состав своей команды во встречах с сильными соперницами? Да ничего подобного, не было таковых на этом турнире. Единственный козырь — уча-

стие в нем американок — также оказался несостоятельным. Да, американки приехали, но то была всего лишь серенькая команда баскетболисток колледжей.

Сразу по возвращении из Японии сборная отправляется в турне по Канаде. И там играет с заводом слабейшими. А потом тренер репортует: все, дескать, выиграли, ни единого поражения. Да у кого выиграли? Кому надо было втирать очки? Только «засветили» свою команду, свой собственный состав раньше времени. Игроки же, кроме усталости, ничего в этих турне не приобрели. Я ж прекрасно видел это по своим цезковским игрокам сборной.

Какой тяжелейший сезон им довелось вынести на своих, не таких уж могучих плечах: суперфинал чемпионата страны, потом — Кубок европейских чемпионов, где команда дошла до финала. И сразу после всего этого, без

всякого восстановления — пресловутое зарубежное турне, а потом — сборы.

Сколько говорилось и писалось о наших печально знаменитых сборах! Помнится, закабаление игроков — а иначе и не скажешь — на таких сборах стало едва ли не основной причиной нашумевшего конфликта лучших хоккеистов ЦСКА со своим тренером. О тяжком бремени таких сборов писали и волейболисты и баскетболисты на страницах вашего же журнала.

Дать бы Гомельскому спортсменкам отойти душой после тяжелейшего чемпионата страны, снять с себя напряжение, не везти их в горы, пусть и средней высоты, и усаживать там на опостылевшие сборы, а позволить побыть с семьями, с мужьями. А так получается, что «наелись» они до отвала баскетболом еще до поездки в Куала-Лумпур.

О составе сборной. Пресловутый тезис об оскудении талантами нашего баскетбола — это всего лишь удобное прикрытие, лучший способ объяснения неудач. Не стало высококорослых? А как расценить такой финт тренера сборной: взять в состав Марину Бурмистрову (203 см), а потом заявить, что она не подходит команде. Взять Елену Буонатянц и Елену Мозговую и вдруг: они, оказывается, тоже не подходят. По мне — выбрал курс на омоложение, так и держись его, а не оставяя как козырь про запас для оправдания неудач: молодые, дескать, не вытянули.

И уж ни в какие ворота не лезет сетование на то, что «мы потеряли много сильных игроков». В их числе называется Ольга Бурякина («Советский спорт», 24 июля 1990 г.). Опомнитесь, Евгений Яковлевич, ее уж три года как нет на площадке, она уже второго ребенка родила, а ее все склоняют.

Далее читаем: «Травму получила Барель». Но Олеся ее, эту самую травму, еще в начале года получила. А «три баскетболистки собираются стать мамами» — что, это было новостью для главного тренера сборной, если об этом знал весь баскетбольный мир? Или для него был неожиданным отъезд Александры Яковлевой в Японию с мужем? Или болезнь Евковой, которая хворает незнамо сколько времени? Не хватало еще для полноты картины добавить: «Не смогла принять участие в чемпионате Уля Семенова». Тогда уж точно: дальше ехать некуда.

Известны два пути формирования сборных команд. Первый: в них берут лучших из всех или нескольких клубных команд, по преимуществу высшей лиги.

Второй: берется так называемая базовая команда, и к ее игрокам добавляют лучших из других.

Первый путь кажется соблазнительнее, по нему Гомельский и пошел. Как до него пошел на мировом футбольном чемпионате Валерий Лобановский. Вроде бы всех звезд собрали они, а команд-то не получилось ни у того, ни у другого. Да и как могла юная Бурмистрова за один сбор сыграть с ветеранами Галиной Савицкой и Еленой Худашевой? Разве что самой надо было блеснуть?

Но даже такой бриллиант, как Сабонис, засверкал в сборной далеко не сразу, не вдруг. Помнится, чемпионат мира в Колумбии Сабонис отсидел на скамейке, но зато вдоволь поварился на кухне сборной. Так что «кандидаток в звезды» следовало повозить рядом с опорными, пусть и не такими уж яркими игроками. Как делал это в свое время Владимир Кондрашин. Его упрекали: почему, дескать, берет в сборную Юрия Павлова или Александра Большакова, а Андрея Макеева даже на Олимпийские игры в Монреаль везет. Это ж вроде бы все игроки не яркие, не сделают они погоды. А он отвечал: «Зато они опора команде, ее костяк, только рядом с ними заиграют и звезды».

Кстати сказать, не всегда так уж просто разглядеть и звезду. Привыкаешь к стереотипам: «Ага, была, к примеру, крайняя Елена Чаусова или защитница Надежда Захарова», вот и стараешься найти таких, кто б их повторил. Да нельзя их повторить! Надо уметь разглядеть, кто из тех, кто на их места пришел, смогет лидерами стать, на них и опираться.

И последнее. Не хотелось бы, чтоб у читателя могла зародиться мысль, что я согласился на это интервью, дабы свети некие счеты с главным тренером сборной. Все, что здесь сказано, — лишь попытка расставить точки над *i* в разговоре о провале сборной на чемпионате мира.

Но малайзийский чемпионат этот — не последний, сборной, как и всему баскетболу, еще жить да жить. Вот об этом подумайте сегодня еще важнее.

Получаем мы, клубные тренеры, Положение о новом, 1990/91 г., чемпионате страны. Тут что ни абзац, то «откровения». Ну почему, отчего этот чемпионат разыгрывают 24 команды, если абсолютное большинство тренеров сочли расширение высшей лиги нецелесообразным? На всесоюзном тренерском совещании нас выслушали, мы

разъехались по домам и... получаем вот эту пилюлю: готовенькое утвержденное зампредом Госкомспорта СССР А. Колесовым положение, в котором ни одно (!) наше пожелание не учтено. Кто, когда доказал, что мастерство растет быстрее, если играешь с кем попало, лишь бы матчей было побольше? Мастерству надо учиться на тренировках, но как это сделать, если разведной календарь времени на них не оставляет?

Нам говорят: «Календарь составляется в интересах сборной». Да полно, как можно всерьез говорить о ее интересах, напрочь игнорируя интересы клубов? Откуда ж ее тренеры резервы будут черпать? Привлекать в сборную ветеранов? Базироваться — модное нынче выражение — на «иностранцах»? Так мы уже на них «набазировались» на футбольном чемпионате мира в Италии, хватить.

Для женского же баскетбола ставки на «иностранок» выглядят и вовсе несерьезно. На момент проведения чемпионата мира-90 разговор мог идти лишь о трех игроках: Светлане Кузнецовой, Галине Савицкой и Олесе Барель, да и то последняя, как известно, была травмирована, известен был и ее возраст.

Так можно ли было рассчитывать, что «иностранки», к тому же выше крыши нагруженные в своих профессиональных клубах, смогут составить стержень сборной? Нет, ее основу должны были составить молодые, с перспективой игроки. Готовить их, понятное дело, следует в клубах. Мастерство растет тем быстрее, чем выше конкуренция. А о какой конкурентной борьбе можно говорить на чемпионате страны, если большинство его матчей заведомо пройдет «в одни ворота»?

И ведь все равно же после двух-трех кругов чемпионата он — да простится мне невольный каламбур — вернется на круги своя, и медали разыграет все та же восьмерка команд, что и в прошлом сезоне.

Так кому потребовалось загружать нас сверх меры этими самыми ненужными матчами с заведомо слабейшими соперниками? Разве что самим функционерам — составителям календаря, да и то непонятно: им-то зачем?

Не хотелось бы заканчивать на такой ноте, но боюсь, что, пока мы не наведем порядка в своем, домашнем, хозяйстве, проколов, подобных малайзийскому чемпионату мира, нам не избежать.

дал баскетбольный турнир Игр доброй воли хотя бы по телевизору, выступление наших девушек не могло не понравиться. Да, не все у них получалось и там. Да, слишком легко расставались они с преимуществом, достигнутым в начале матчей с командами Южной Кореи, Бразилии, США. Но ведь в двух первых матчах удержали это преимущество, привезли все-таки домой серебряные медали.

Так, может быть, на наших глазах рождалась новая команда. Команда, которой по плечу решать задачи и по максимуму. Пусть не сегодня и еще не завтра — уж слишком далеко «отпустили» мы американок, — но нашим спортсменкам окажется по силам вернуть утраченные позиции в мировом баскетболе. В это хочется верить.

Мнения записал Виктор ФЕДОРОВ

«Перекресток мнений» был подготовлен, материал можно было сдавать. И тут мне вспомнился ответ Евгения Гомельского на первое предложение рассказать о чемпионате мира: «А нельзя ли подождать до моего возвращения из Сизлта? Я ж просто не имею права на неудачу еще и там».

По-человечески его можно было понять. И, наверно, всем, кто наблю-

КРОССВОРД ДЛЯ ТРЕНЕРА СБОРНОЙ

«А вы видели хоть одного старшего тренера сборной, который бы ушел сам, да еще с почетом?»

Вячеслав СТАРШИНОВ

Этот разговор состоялся много лет назад — знаменитый хоккеист размышлял о собственном жизненном выборе по завершении спортивной карьеры. У обладателя всех мыслимых званий в спорте выбор был, в том числе были заманчивые предложения и на тренерском поприще. Он выбрал другое — возглавил кафедру физкультуры в известном столичном вузе. И так объяснил мне свое решение: «Здесь перспектива. Наука. Диссертация. Уважение. Словом... будущее. А там что? Потолок — старший тренер сборной. А вы видели хоть одного из них, который бы ушел сам, да еще с почетом?»

Возможно, и были такие — я знаю не всех. Но для того, чтобы задуматься над словами хоккейной звезды, достаточно и этих имен, известных любому в спортивном мире: Аркадий Чернышев, Анатолий Тарасов, Александр Гомельский, Сергей Вайцеховский, Вячеслав Платонов... Всего им было отмерено вдоволь: комплиментов и похвал, восторгов и восхищения, званий и наград... Когда побеждали! На упреки и обвинения не скупился тоже — когда наступала пора неудач. А чаша сия не миновала ни одного из них. Чья-то отставка выглядела вполне пристойной — почти добровольной. Кого-то смещали и возвращали. Кто-то просто исчез, молча уступив место преемнику. Почетных проводов не припомню. Слов благодарности при прощании тоже.

В ватерпольном мире его имя звучит не менее громко, чем имя Тарасова в хоккее или Гомельского в баскетболе. И олимпийское золото, и слава «звездной команды», безраздельно царившей на мировой арене долгие годы, связаны с ним, Борисом ПОПОВЫМ, возглавившим главную команду страны одиннадцать лет назад. И на него же обрушился буквально шквал обвинений после бронзы Сеула, расцененной как про-

вал. И в этом потоке упреков, возможно, больше всех ударили слова его же питомцев, с которыми вместе начинал когда-то.

— Ему не позавидуешь. Страшная это ноша — старшего тренера сборной, — с этих слов начался наш нелегкий разговор с ведущими игроками нынешней сборной СССР — нападающим Дмитрием Апанасенко и вратарем Олегом Пузанковым.

Встреча с Поповым состоялась позже. В этом заочном диалоге и попыталась я, хоть отчасти, найти ответ на вопрос: почему же так тяжела эта ноша, старшего тренера, и почему слишком часто расставание бывает и горьким и несправедливым...

Когда они начинали, конечно, не время было задуматься, что неизбежно наступит день — и придется расстаться. Другие тогда были заботы. Сборная СССР терпела на международной арене одно поражение за другим. А молодежная сборная, возглавляемая Борисом Поповым, в 1978 году выигрывает свой чемпионат Европы. Ему и предлагают возглавить главную команду страны. В нее он приводит своих юниоров. До Олимпиады оставалось полтора года. Что можно успеть? «Вы сможете», — первое, что сказал наставник уже взрослым своим воспитанникам. А они привыкли ему верить.

Они все были одержимыми — и молодой тренер, и вчерашние его юниоры. И цель у них была общая. И пути ее достижения ни у кого не вызывали сомнений. Потому и смогли. На Московской олимпиаде, собравшей, в отличие от других видов спорта, весь цвет мирового водного поло, советская сборная завоевывает золотые медали и затем шесть лет не знает себе равных в мире. К победам привыкают охотнее, чем к поражениям, потому третье место на чемпионате мира-86 было расценено как срыв.

— Попов не мог не понимать, что тогда, в 86-м, команда практически себя исчерпала. — Молодости свойственна категоричность, поэтому Дима Апанасенко в правоте своей не сомневается. Олег Пузанков возражает спокойно, но твердо:

— Нет. Ломать надо было раньше — в 84-м. За олимпийский цикл все можно было успеть.

Наставник не слышал этих слов. Но разговор наш начался словно с ответа им обоим:

— Два олимпийских цикла — больше игрок в водном поло сегодня не выдержит. Был у нас год 80-й — тогда поднимались в гору. Был 84-й... И хотя на Олимпиаде выступить не довелось, весь цикл подготовки прошли полностью. Сомневаться не приходилось — до 88-го всем вместе дойти не удастся. Но как менять, когда объективно они были сильнее? И еще... как менять, как расставаться с теми, с кем начинал и поднимался вместе? Самому уходить надо было раньше. Хотел это сделать именно в 84-м — не отпустили.

Его, действительно, не отпустили. И накануне чемпионата Европы-87 он вынужден был пойти на ломку — болезненную, но необходимую. Другим признавался, что неделю не спал, не представляя, как скажет своим ребятам, тем, кому повторять столько раз: «Вы сделали меня, я — вас», — что нескольких выводит из основного состава сборной. Временно. Нужно опробовать молодых. На Олимпиаду же поедут сильнеешие.

Чемпионат Европы они выиграли. До Олимпиады оставался год. Можно себе представить, сколько было передумано за этот год: кого же брать — тех, опытных, проверенных, титулованных, или новоиспеченных чемпионов Европы? И можно лишь догадываться, сколько бессонных ночей стоило это последнее решение накануне Сеула, — предпочтение было отдано ветеранам. Именно за это решение потом и обрушились на него столь дружно, признав главной ошиб-

кой старшего тренера, приведшей к поражению в олимпийском бассейне.

Впрочем, в случае неудачи (а от нее не застрахован никто и никогда) и другой выбор с таким же жаром был признан ошибкой. Лишь аргументы бы звучали иначе: вместо «не доверил молодым» — «пренебрег опытом ветеранов...»

Не он первый встал перед этой проблемой. Четверть века назад Анатолий Владимирович Тарасов сказал мне следующие слова:

— Команда может жить вечно, если самый болезненный процесс — смена поколений — будет в ней естественным и непрерывным.

Дима Апанасенко возражает мгновенно:

— Может, в хоккее это и реально. Там тройку, пятерку свежую ввести можно. Они на льду сами по себе. У нас — исключено. Я на своей шкуре испытал, что значит влиться в «звездную команду». По игре-то попал, а морально чувствовал себя неуютно. Мне было 19. Иванову — 27. Котенко и вовсе — 30. Это же разные поколения. Они уже добились всего. Хотят или нет — держат дистанцию. «Миша, дай пас!» — во время матча это слышишь постоянно. А я прежде, чем крикнуть: «Миша!» — задумаюсь. В игре же думать некогда — все должно быть автоматически. Нет, по одному-два новичка у нас в команду добавлять нельзя. Все равно придется менять «пачками». Ну почему Попов не доверил молодым? Ведь была уже хорошая команда — чемпионы Европы. Это его ошибка.

Олег на первый взгляд соглашается:

— Он смел. Рискнул же в 87-м. Почему спустя год предпочел не рисковать?

И все-таки он явно пытается и понять наставника, и найти ему оправдание:

— Наверное, советы сыпались со всех сторон... Ответственность же колоссальная. Все-таки Олимпиада — не чемпионат Европы. И еще уверен — давил груз моральной ответственности перед ребятами, с которыми прошел «огонь и воду».

Они одного поколения и все-таки на прямой вопрос: а как бы сам поступил на месте тренера? — ответили по-разному.

— Я бы поступил так же. — **У Олега сомнений нет.**

Дима не сомневается тоже:

— Я бы нет! Во всяком случае, всех не взял бы. Это было возвращение к пройденному этапу. Ведь в Сеул поехала команда, уже проигравшая в 86-м...

Этот аргумент старший тренер принять отказался.

— Не в том дело — не в проигрыше двухлетней давности. Просто весь опыт, в том числе и наших соперников на мировой арене, показывает, что Олимпиаду всегда выигрывает команда молодая. Да, ошибся. Вини с себя не снимаю. Признавал это не раз. И достаточно громко. Что еще можно добавить?

Желающих «добавить» оказалось немало. На упреки, в том числе в прессе, действительно, не скупилась. Они, его сегодняшние подопечные, встали на защиту:

— Самое трудное — обстановка вокруг него. Эти статьи бесчисленные с обвинениями. Нельзя же так. Ведь работать мешают. А тренер он сильный. И педагог хороший. Не деспот. Не унизится до мелочной проверки. Справедлив. Если провинился — накажет. Но со «стариками» деликатнее, чем с нами. Ему в глаза не побоишься сказать, что думаешь, — обидеться может, но камня за пазухой не будет держать никогда. И еще... у него память хорошая — помнит, как сам «кушал этот хлеб»...

Передать подобные слова — одно удовольствие. Попов в ответ улыбается — грустно и чуть иронично:

— Приятно, конечно. Но если хотите узнать истину — спросите ушедших. Тех, кто покинул сборную навсегда. Вот они и будут правы.

Они высказались — год назад, на страницах нашего журнала: Георгий Мшвениерадзе и Евгений Шаронов. Каха, как привыкли называть в команде Мшвениерадзе, вспыльчив как порох и, высказывая претензии старшему тренеру, был резок. Не ошибку в определении состава ставил в вину — «усредненные тренировки», «диктаторскую методику», отставание в тактике, прекращение поисков нового, перетренировку... претензии серьезные. Не будем углубляться в сугубо профессиональный спор. Опять-таки не Попов первый столкнулся с этой проблемой, когда вдруг взрослыми становятся вчерашние юниоры, еще недавно принимавшие на веру каждое слово наставника. Они уже тоже профессионалы. И имя у них есть (Мшвениерадзе, например, на конкурсе «Лучший игрок современности», проводимом журналом «Интернациональное водное поло», был поставлен на второе место после испанца Эстиарто, а конкурс проводился уже после Сеула, в прошлом году), и право на свою точку зрения готовы отстаивать. Попов этого права не оспаривает, но и своих позиций сдавать не намерен. Лишь на один упрек решил ответить — достаточно частый в адрес тренера: «пахать — не пахать»

— Убежден, что чем старше становится игрок, тем больше необходимо ему работать над собой. — А в остальном... Лишь плечами пожал — пока еще ни один наставник не нашел ответа на этот вопрос: как без конфликтов существовать рядом подлинным профессионалам, каждый из которых имеет право на свою точку зрения, однако право решать принадлежит одному.

Каха ушел из сборной, хлопнув дверью. По его собственным словам, не желал ждать, пока попросят. У Жени Шаронова, еще недавно лучшего вратаря мира, характер иной — дверью не хлопал. Наоборот, когда

после Сеула и форму набрал, и в турах чемпионата страны, как считал, сыграл неплохо, ждал вызова на сборы. Не вызвали — на международные турниры поехали другие вратари.

У всех на памяти прошлогодние баталии, разгоревшиеся в хоккее в мире, когда ведущие игроки сборной рвались за границу, а их не отпускали. К Шаронову Попов подошел сам, заговорил о перспективе поиграть в зарубежном клубе. Даже страну посоветовал — ФРГ. И помощь в устройстве контракта пообещал. Только Шаронов не этих слов ждал. Так и сказал позднее: «Не нуждаюсь в этих зарубежных приработках...» Не сомневался, что еще может быть полезен сборной. Но звонка не дождался. Потому и бросил на прощание, не скрывая горечи: «Да, обидно, что вот так рассталась со мной команда, которой отдал одиннадцать лучших своих лет!»

Видно, совсем без боли расставание невозможно. Сколько поколений тренеров искало рецепт, который бы помог хотя бы смягчить ее. Пока не нашли.

После Сеула многие считали, что Попова заменят. Но он остался. Дима Апанасенко и Олег Пузанков в данном случае на редкость единодушны:

— Он прав, что не ушел от этой команды. Видно, хочет доказать...

Да ничего он не хочет доказывать (доказано уже достаточно) — просто, по собственному признанию, посчитал себя не вправе.

Сегодня внешне ситуация напоминает ту, одиннадцатилетней давности, когда нужно возвращать пошатнувшийся престиж сборной. Только они уже другие — и команда, и сам тренер.

— Той команды 87-го года уже нет. Ей не дали жить. — Дима Апанасенко горечи не скрывает. — Она перестала существовать в момент самой большой своей победы. Реанимация невозможна. Сегодня из нее остались лишь четверо. Остальные новые. Значит... это другая команда. Думаю, что такой, как в начале восьмидесятых, уже не будет. Нет личности.

И вновь не может наставник с ним согласиться:

— Конечно, они иные, не те, с которыми я начинал. Нет, не хуже. Более уверены в себе. Более раскованны. И знают, возможно, больше. Бесспорно, есть те, кто мог бы стать звездами. Но... нет того опыта, того единомыслия и той веры, что объединяла прежних, пришедших вместе.

Они, действительно, и уверены в себе, и раскованны. И о самых серьезных проблемах говорить готовы. Но при этом и судят здраво. И убедить способны.

— Думаю, что никто не даст Попову таких игроков, каких воспитал он сам, — слово берет Д. Апанасенко. — Я бы бракоделами назвал тех, кто сегодня готовит юношеские команды. Самых талантливых, самых одаренных — и в спортивном плане, и в человеческом —

под середняков подгоняют. Не удивительно — с такими проще. Вот и «гонят вал середняка». Надо отдать должное Попову — он за сменой следить старается. Знаю потому, что у меня шестнадцатилетний брат в юношеской сборной СССР. И все-таки главнейший этап — переход от юношеской к национальной сборной — он упустил, чересчур перевертел тренера...

За долгий наш разговор мне ни разу не довелось услышать в голосе наставника ноток оправдания. Он и здесь ответственность свою признает:

— Конечно, старший тренер и за смену в ответе. Но как это на практике осуществить — не знаю. Убежден, что в сборной надо работать лишь над усовершенствованием сильных сторон игрока. Ошибки править поздно. И с детскими и с клубными тренерами стараемся поддерживать контакт — семинары проводим, пытаемся объяснить, что бы мы хотели получать от них, но... ведь и давить нельзя, не имеем же мы права диктовать им, как надо работать... Проблема сложнейшая.

Насколько я знаю, возникла она отнюдь не сегодня. И когда Дима Апанасенко лишь руками развел: «Ну почему наши ровесники, с которыми когда-то «в одну калитку играли», сегодня нас «чешут»? — невольно вспомнила разговор шестилетней давности с одним из ответственных работников Госкомспорта. Он говорил о том же: «Сегодня наши юношеские команды выигрывают практически все мировые чемпионаты и во всех видах спорта. А потом... начинают безнадежно проигрывать тем, кого вчера побеждали». И называл причину: «Есть серьезные пороки в самой системе подготовки смены». Сомневаюсь, что найдется старший тренер сборной, который решит эту проблему в своем «отдельно взятом» виде спорта. Видно, систему предстоит ломать сообща. И от многих стереотипов отказываться тоже. С Олегом Пузанковым не согласиться невозможно:

— Почему от нас всегда требуют только победы? Это же невозможно, особенно в период смены поколений, который переживает сейчас наша команда!

А времена для них наступили, действительно, трудные. В первый послеолимпийский год — лишь шестые на Кубке мира, четвертые в Европе... Представители нынешнего поколения сборной страны и о сегодняшних проблемах, и о перспективах стараются размышлять спокойно и трезво. В чем-то расходятся. И лишь в одном безоговорочно единодушны:

— И все-таки замены Попову сегодня нет. Кабанову — второму тренеру, — конечно, и в знаниях не откажешь, и в преданности делу, но... он же Попова во всем копирует, а копия с оригиналом никогда не сравнится. Больше — даже близко никого. А этот триумvirат нынешний только трудностей добавляет.

Прибавьте сюда еще и гостренера, что из Госкомспорта руководит, порой разногласия такого накала достигают, что общей точки зрения практически достичь невозможно.

Попов верен себе, отвечает невозмутимо, но твердо:

— И замена, конечно, найдется. И кандидаты достойные есть. Человек пять назвать могу — выбор будет. А триумvirат — мера вынужденная. Сборная состоит практически из игроков двух клубов — армейцев и динамовцев столицы. Работали вместе с наставником ЦСК ВМФ Александром Кабановым. Разговоры пошли — необъективно, своих таяет. Я ни на секунду не сомневаюсь в абсолютной честности Алек-

сандра, но... не могу исключить, что в какой-то момент и он может быть чуть пристрастен. Самую масть, помимо собственной воли. Потому и появился третий — молодой динамовский наставник, олимпийский чемпион Майт Рийсман.

И эта проблема не нова — клубный тренер у руля сборной. Не думаю, что дело должно дойти до прямых запретов, но если есть возможность избежать — лучше обойтись без подобного совмещения.

Удается ли нынешнему триумvirату возродить новую команду, подобную той, «звездной», которую не могут забыть ни поклонники водного поло, ни игроки обновленной

сборной страны? Последние скепсиса не скрывают:

— Вряд ли возможно возрождение главного — того удивительного климата, царившего в команде, — полного единомыслия, абсолютного доверия к тренеру. Потому что... не тот уже Попов. Устал. Как бы хотелось поработать с тем, прежним, насколько больше он мог бы дать каждому из нас!

А он и на эти слова не обиделся.

— Да, устал. И могу лишь повторить: уходить нужно вовремя. Убежден, что тренер сборной должен покидать команду на гребне успеха, в период побед. Для него, как и для игрока, два олимпийских цикла — предел. Отставание неизбежно, как бы ни старался

шагать в ногу. И еще — власть. Огромная, почти беспредельная. Она тоже не к добру. И почему-то вдруг рядом не оказывается людей, которые бы высказали в глаза все, начистоту.

Этот вопрос вырвался непроизвольно:

— Неужели так никто ни разу и не сказал?

— Почему же, говорили.

— И что, реагировали неправильно?

В ответ уже знакомая, чуть ироничная улыбка:

— Мне казалось, что правильно...

И уже совсем без улыбки:

— Если бы ушел тогда, еще можно было бы вернуться. Отдышаться, огля-

деться по сторонам, набраться новых идей и... вернуться. Платонов обиделся, когда отстранили. А ведь это счастье его — сегодня добьется большего.

После Барселоны, независимо от результата, уйду. Решено. Куда? Скорее всего за границу — вы же знаете, какова у нас жизнь рядового тренера...

— **Возвращение исключено?**

— Поздно!

Какова она сегодня, обновленная сборная СССР, мы могли увидеть в августе, на Играх доброй воли. Далеко не все еще ладилось, но с иными своими «обидчиками» они уже посчитались — обыграли сборную США. И сильную команду Испании победили. И до финала дошли, лишь там уступив олимпийским чемпионам — ватерполистам Югославии, да и то в дополнительное время. До Олимпиады еще два года. Может, вопреки скепсису молодых, у Попова и на этот раз получится? — Это было бы справедливо.

И все-таки после Барселоны он уходит. Так решил сам. Конечно, придет другой. И уже ему придется решать кроссворд, над которым бился его предшественник долгих тринадцать лет. С кем-то тоже придется расстаться. И с новичками предстоит искать общий язык. И ошибки возможны. И упреки (правда, не всегда справедливые) неизбежны... Потому что — напомним высказывания игроков — «страшная это ноша — старшего тренера сборной!» И нести ее будет легче, если преемник получит назначение «сдано» — «принято» из рук предшественника. Получит не в тиши кабинета, а прилюдно — когда высокое руководство, прежде чем ставить новые задачи новому тренеру сборной, поблагодарит за содеянное старого.

Думаю, создать такой прецедент — дело архиважное.

Фото Александра ФЕДОРОВА

ЗЕПП БЛАТТЕР: «Я В ВОСТОРГЕ ОТ ТАКОЙ ЧЕСТНОЙ ИГРЫ...»

События футбольного чемпионата мира-90 широко обсуждаются в спортивной печати. Любопытно в связи с этим высказывания генерального секретаря Международной федерации футбола (ФИФА) Зеппа Блаттера, подготовленные по материалам швейцарской прессы.

— Вы как-то сказали, правда, с улыбкой, что будете встречаться только с теми журналистами, которые вам приятны. Вы за что-то в обиде на прессу?

— Я не люблю журналистов, которые приписывают тебе то, что ты не говорил. А в Италии это встречалось довольно часто. Так что я должен вас немного поправить: я не говорил, что встречаюсь только с журналистами, которые мне приятны, а с теми, которые занимают, так сказать, позитивную позицию.

— Это потому, что вы не выносите критики?

— Нет, речь идет не обо мне, а о ФИФА и футболе вообще.

— Но именно ваша критика положила начало дискуссии. На чемпионате мира-90 вы впервые публично критиковали действия судей.

— ФИФА дала четкие инструкции судьям перед чемпионатом, как они должны вести игры. И если постановили, что судья должен строго соблюдать те или иные правила, не должно быть никаких проблем. Но некоторые тем не менее их не придерживались. Например, итальянец Луиджи Аньоллини. Он проводил игру так, как привык это делать.

— И поэтому вы обратились к общественности?

— Я сказал членам комиссии ФИФА по судейству, что, собственно, они отвечают за то, чтобы наши инструкции выполнялись.

— Этого, по всей видимости, не случилось.

— Нет. В эту комиссию входят в основном бывшие судьи, многие из которых в хороших отношениях с нынешними. И, естественно, они не критикуют друг друга. Поэтому пришлось выступить публично.

— Не является ли ошибкой со стороны ФИФА, что она издает подобного рода узкие директивы и таким образом ущемляет судей? Ведь судьи в Италии потеряли собственную линию ведения игры еще и потому, что они уже не могли быть самими собой.

— Возможно. Но все же правила всегда одни и те же, а уже от установки зависит, следует ли быть более снисходительным или более строгим. В этот раз ФИФА требовала от судей именно жестких действий.

— Исходя из опыта Италии, каковы теперь ваши требования?

— Сначала мы должны обсудить это внутри федерации. Но две вещи для меня сейчас уже ясны. Первое: необходимо специально готовить судей на линиях. На чемпионатах мира ставят не главного судью и двух судей на линиях, а просто называют трех судей и говорят двум из них, что они будут судить на линиях. Это неправильно. Так что в будущем я рассчитываю на то, что ФИФА будет выставлять специальных судей на линиях. Если специально подготовленный судья на линии знает, что он может попасть на чемпионат мира именно в качестве судьи на линии ФИФА, то будет больше стимулов стать им.

И, во-вторых, лучше должна быть подготовка. Перед чемпионатами мира судьи также должны проходить специальную тренировку.

— Неудовлетворительной была и физическая форма судей...

— Да, это верно. Многие были физически плохо подготовлены. Добавьте сюда еще проблему возраста. Самому старшему игроку был 41 год. Что же касается судей, то некоторым из них было за 45. Мы должны больше доверять молодым.

— Как вы считаете, может, ФИФА стоило бы доверить судейство в финале молодому и очень грамотному датчанину Миккельсену?

— Я думаю, это было бы неправильно. Миккельсен не во всех матчах выглядел убедительно. Кроме того, будучи судьей на линии в полуфинале, он навлек на себя гнев аргентинцев, когда удалили Хиусту. Это усложнило бы ему судейство в финале.

— Теперь — о чисто спортивной стороне первенства. Мы думаем, вы, как и мы, не можете быть удовлетворены...

— (Смеется). Это был настоящий спорт. Обилие желтых и красных карточек привело к тому, что игроки стали менее агрессивными. И это радует.

— Под спортивными итогами мы имели в виду, однако, совсем другое...

— ... и вы правы, они, действительно, менее радостные. Неожиданные результаты первого этапа (сюрприз, преподнесенный командой Коста-Рики, убедительная игра камерунцев — здесь я сознательно говорю о каждой из этих сборных отдельно) очень оживили начало чемпионата. Этот был действительно хороший футбол, и он всех держал в напряжении. Четыре года назад в Мексике великолепны были, напротив, игры заключительного этапа. В Италии мы вновь наблюдали старый европейский «безопасный» футбол, новые тенденции не проявились. Кубковая система преследует, конечно, совсем другие цели...

— ... это ведь ваше детище. Не думаете ли вы, что нужно опять пересматривать эту систему?

— ФИФА, несомненно, должна поразмыслить над этим. Если кто-нибудь предложит лучший вариант, я буду это только приветствовать.

— Особенно это стало актуальным после полуфинальных игр, ведь исход и того и другого матча решили одиннадцатиметровые. Очень уж большую роль здесь играет случай...

— Мне это, конечно, тоже не нравится. Но все же пенальти являются составной частью игры. Нельзя бесконечно продлевать матч в ожидании гола, то есть правило «внезапной смерти» неприемлемо. В этом случае матчи могут продолжаться и по восемь часов.

— ... а чемпионат мира и так длится достаточно долго. Четыре года назад вы говорили, что 29 дней — это слишком много, а теперь это и вовсе 31.

— Да, первенство длится очень долго. Следовало бы его «урезать». Но 21 день — это недостаточно. В этом случае лучшие команды проводили бы 7 игр в течение трех недель. При участии двадцати четырех команд просто необходимы четыре недели.

— Может быть, лучше снова вернуться к системе: шестнадцать команд в финальной части чемпионата мира?

— Это было бы идеальным вариантом.

— А каковы ваши соображения?

— Если менять систему, то в этом направлении. Но на следующих двух чемпионатах будут играть по двадцать четыре команды, это уже решено.

— И Африка теперь будет представлена тремя командами — за счет Европы...

— Президент Авеланж уже объявил об этом, это дело решенное. Но официально это будет обсуждаться только в декабре.

— О проблеме продажи билетов. В Италии многие игры тоже проходили при полупустых трибунах, несмотря на то что все билеты были распроданы.

— Я так не думаю. 22 процента билетов на ряд матчей были предложены в «пакете», и, судя по всему, лишь незначительная часть была реализована.

— А не стоило ли ФИФА самой проявить заинтересованность в полных стадионах и взять на себя продажу билетов?

— Это не так просто. Для этого нам понадобилась бы собственная гигантская организация. И потом, в конце концов, местные организаторы тоже должны что-то делать. Ведь самые большие их доходы именно от продажи билетов.

— Проще всего было бы отдать все в свободную продажу, как это обстоит с концертами поп-музыки и театрами.

— Это невозможно из соображений

безопасности. Пока в Англии, Германии или Голландии есть люди, которые «болеют» при помощи кулаков, необходимо знать, куда распродают билеты.

— Но тем не менее приводятся данные, что было продано 92 процента билетов...

— Это утверждает «Кол Италия», местный организационный комитет. Но я очень в этом сомневаюсь. Туристическая фирма «Тур-90» взяла на себя продажу этих билетов, оплатила их, но часть из них так и не смогла реализовать. К тому же многие билеты были отданы спонсорам, но люди, у которых они в итоге оказались, не пришли на матчи.

— Но ФИФА все равно имеет большую прибыль от проведения чемпионатов?

— Да, мы уже получили 75 миллионов швейцарских франков.

— И в заключение несколько личных вопросов. Что произвело на вас наибольшее впечатление во время чемпионата?

— Полуфинал в Турине. Я был в восторге от той благородной игры, которая была продемонстрирована в этом матче, и от зрителей, проявивших большое уважение друг к другу. Все было просто прекрасно.

— А что меньше всего вам понравилось на чемпионате?

— Разочаровало то, что было мало забитых мячей. И если в Турине был забитый мячик, это, конечно, ужасно.

— Какая встреча больше всего запомнилась?

— (После долгой паузы). Трудно сказать, возможно, я лишен романтики (снова пауза). Хотя... Да, пожалуй, встреча с Папой. Его личность, все в нем импонировало мне.

— Правда ли, что он собирался прийти на финальный матч, если бы играла сборная Италии?

— Мы приглашали его, но он с самого начала сказал, что не придет ни на какую игру.

— Возможно ли, что вы будете возглавлять ФИФА в 1998 году, когда состоится очередной чемпионат мира по футболу?

— (Смеется). Нет, не думаю.

— Почему же, ведь Авеланж сказал, что он рад был бы видеть вас своим преемником?

— Возможно, но нашим президентом в 1998 году будет еще Авеланж. Он останется на этом посту, пока ему позволит здоровье.

— А вам бы хотелось после него занять это место?

— Если уж вы меня об этом спрашиваете, то я отвечу «нет». Ведь когда-нибудь нужно посвятить себя чему-нибудь другому, кроме футбола.

— Но ведь это не означает...?

— До 1994 года я точно останусь Генеральным секретарем ФИФА. А там посмотрим.

Мargarита БАБИЧ
(по материалам зарубежной прессы)

Уровень культуры нации во многом определяется ее отношением к памяти людей, приносивших своим современникам радость. В нашем футболе прошло немало личностей, оставивших после себя в сердцах людей неизгладимый след. Одним из них был заслуженный мастер спорта Алексей Геннадьевич СОКОЛОВ, которому в этом году исполнилось бы 80 лет.

Я давно хотел написать о нем. Мысль об этом чуть ли не каждый день бередила душу. В памяти возникали его игра, приметы его обаяния, многочисленные встречи с ним. Однажды он приснился мне. Стоит, озорно улыбаясь, у служебного входа стадиона «Локомотив», как это не раз бывало в жизни. И погода такая солнечная, бархатная...

Как в тот осенний день 1938 года, когда я испытал незабываемое чувство восторга от его игры. В тот день «Спартак» играл с ленинградским «Электриком» финальный матч на Кубок страны. И в какой-то момент в непостижимо высоком прыжке, распластавшись в воздухе и сконцентрировав всю энергию своего худенького и ловкого тела, Алексей Соколов ударом через себя пробил по воротам ленинградцев. Мяч с гулким звоном врзался в крестовину ворот и отразился в поле, сопровождаемый восхищенным уханьем переполненных трибун.

Да, такое не забывается! И именно такой удар зажигает в сердцах зрителей негасимое пламя любви к футболу.

Сейчас я отчетливо вижу, что в этом эпизоде выразилась вся суть Алексея Соколова. Игра была для него наслаждением, он упивался ею и, подобно флибустьеру, жаждущему морского боя, искал в ней самые острые, яркие и захватывающие продолжения, беззаветно и бесстрашно отдаваясь им. Дотянуться до немислимо далекого мяча, до предела оттянув носок ноги и сделав шагат; или броситься вниз, в частокол ног и, угадав в этой круговерти движение мяча, переправить его головой в ворота; или, наоборот, выпрыгнуть выше всех, пусть даже очень рослых игроков, и с этой высоты зрче вонзить мяч лбом в сетку; или, заметив расслабленность вратаря, мгновенно сгруппировать тело и ошеломляющим всех боковым ударом с лета метров с 30 забить мяч в верхний угол ворот — все эти зарисовки, сделанные мной по памяти, дают наглядное представление о стиле игры Алексея Соколова. И он щедро раздаривал эти богатства зрителям, расцвечивая и украшая ими футбольное действо, одновременно утверждая в нем себя как виртуоза, романтика, храбреца и неумного фантазера.

Мне искренне жаль зрителей нашего современного футбола, в котором преобладают сила, скорость и излишне рациональное мышление. Такой футбол как зрелище становится все более скудным. Высшими же ценностями футбола, в который играл Алексей Соколов, были сила духа, «упоенье в бою», артистизм и импровизация.

Алексей ХОЛЧЕВ

В «Спартак» он пришел в 1938 году и сразу же стал одним из самых заметных и полезных игроков команды, прибегая к современной терминологии, звездой. В том и последующих за ним годах «Спартак» установил самый престижный рекорд отечественного футбола, сделал двойной дубль, т. е. дважды подряд победил в чемпионате и завоевав кубок. Вклад Алексея Соколова в эти знаменательные победы неоценим. В первый же год он стал самым забивающим форвардом команды, а в масштабе страны уступил только один мяч Александру Пономареву, разделив второе место с самим Федотовым.

Особенно запомнилась его игра во встрече с извечным соперником «Спартака» московским «Динамо» в чемпионате страны 1938 года. Ворота «Динамо» защищал Анатолий Акимов, проходивший в тот год воинскую службу.

Алексей Соколов находился всю игру на острие атак и выдал такой фейерверк разнообразных приемов, что знаменитый вратарь рухнул. Четыре раза он вынимал мяч из сетки, в том числе дважды от Соколова. «Спартак» победил в том матче 4:1 и расчистил себе путь к чемпионскому званию.

У каждого футболиста своя судьба, свои взгляды, удачи, травмы, свой звездный час. Счастлив человек, пришедший в футбол по зову души и к тому же обладающий талантом. Но вдвойне счастлив тот, кто пришел в свое время. Время, способствующее развитию его таланта и всемерно создающее условия для воплощения его таланта в игру и, что очень важно, для воздания ему почестей по его заслугам.

Сделал это отступление потому, что убежден: Алексей Соколов родился раньше своего времени. Играл он сейчас, ему бы сопутствовала мировая слава, его имя скандировали бы на крупнейших стадионах континентов. А в действительности его лучший сезон, когда он играл так хорошо, как никогда раньше, пришлось на военную пору — 1942 год.

Это был удивительный сезон, заслу-

живающий отдельного рассказа. Бои шли недалеко от Москвы, над городом плавали аэростаты воздушного ограждения, воздух разрывали пронзительные сирены частых тревог, поздними вечерами Москва погружалась в кромешную тьму и частенько раздавались залпы зениток, а то и взрывы фугасных бомб.

Но, несмотря ни на что, в футбол играли. Футболисты работали на оборонных заводах, а вечерами усталые и полуголодные появлялись на футбольных полях. Играли в тот год на «Сталинце» (так назывался раньше «Локомотив»), малом стадионе «Динамо», «Пищевике» на Вятской улице, на полях в Сокольническом и Лефортовском парках. Игры не афишировались во избежание больших скопления народа — угроза налетов вражеской авиации постоянно висела над городом. И все равно зрителей собиралось много, иногда до 10—15 тысяч. Удивительная была аудитория! Солдаты и командиры, проезжавшие через Москву и уже на следующий день вступающие в бой; люди преклонного возраста, даже не успевшие после трудовой смены снять замасленные тужурки; постриженные наголо юные допризывники, многие из которых не вернулись домой и больше не увидели футбольных матчей; исхудавшие и позеленевшие мальчишки с голодным блеском в глазах и, наконец, первые жертвы войны — инвалиды на костылях, с палочками, поддерживаемые подругами и женами. Наверное, футбольная Москва не знала более благодарного и щедрого на радость зрителя. Футболисты чувствовали это и, преодолевая недомогание от постоянного недоедания, платили болельщикам азартной и бескомпромиссной игрой. То была пора открытых и захватывающих поединков.

В осеннем первенстве Москвы, пожалуй, самом интересном и престижном соревновании года, участвовало десять команд: «Спартак», две динамовские, две армейские из частей

ИГРАЛ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

командиров Иванова и Булова, «Торпедо», «Локомотив», «Крылья Советов», «Зенит» и даже полузабытый «Строитель».

В тот год «Спартак» был явно сильнее всех, он снова сделал дубль, дубль, о котором знают немногие. Своих основных противников — динамовцев он обы-

грал и в финале Кубка Москвы — 2:0, и в осеннем чемпионате — 3:0.

Алексей Соколов был бесспорным лидером команды. В конце сезона ему исполнилось 32 года — возраст по нынешним временам критический для футболиста. А он сохранял гибкость и пластичность фигуры, скорость и резкость

движений, прыгучесть и атлетизм. Только теперь все эти качества были подчинены одному — игровой мудрости. Это уже был мастер высочайшего класса, умеющий практически все. От излишней горячности, порой мешавшей ему раньше, не осталось и следа. Он был самым искусным распасовщиком и снова самым результативным форвардом, забивая голы один красивее другого.

Помнится, в Лефортовском парке он с такой силой заколотил мяч в верхний угол, что тот вырвал сетку ворот, обвился ею и, успокоившись, повис под перекладной в сеточном мешке, как в авоське, что вызвало дружный хохот всего стадиона. Да, много радостей доставлял Алексей Соколов своим зрителям в то тяжелое время...

Финальный матч Кубка СССР глубокой осенью 1946 года между «Спартаком» и тбилисским «Динамо» стал ключевым для спартаковцев, во многом определившим дальнейшую судьбу команды. Обстановка, предшествовавшая матчу, была весьма необычной. «Спартак», как никакая другая команда (кроме, конечно, ленинградского «Зенита»), был истощен войной. В чемпионате 1945 года он был на грани вылета из высшей лиги. «Спартак» не располагал могучей поддержкой армии, как ЦДКА, «Динамо», или крупного военного заво-

20 октября 1946 года. Кубок СССР снова, спустя 7 лет, в руках Алексея Соколова

да, как «Торпедо», или богатой и щедрой республики, как грузинская команда.

Что там говорить, конечно, грузинские ребята не испытали, слава Богу, всех тягот голодной военной поры в такой мере, как спартаковцы в Москве. Веселые загорелые лица тбилисцев заметно выделялись на фоне московской публики. От них веяло здоровьем, весельем, убежденностью в своей победе. Говорили, даже, что на Курском вокзале стоял вагон, готовый принять кубок для торжественного препровождения в Тбилиси.

В день финала было холодно и пасмурно, на ветру порхали снежинки, но, не обращая внимания на погоду, истосковавшиеся по большому футболу москвичи забили до предела трибуны стадиона «Динамо». На игру пришли вчерашние солдаты в серых шинелях со срезанными погонами.

Я до сих пор ощущаю в себе то спонтанно возникшее и почти зримое чувство человеческой близости между этими уже полувоенными людьми, прошедшими суровыми дорогами войны, и спартаковцами.

«Спартак» предстал перед ревущими трибунами в знакомом облике представителей старой довоенной гвардии. Средний возраст игроков команды был 30 лет. Для некоторых финал стал матчем прощания с большим футболом. Тбилисцы выглядели явно и мощнее, и моложе.

И вот игроки разбежались по своим местам. К центральному кругу подошел ветеран спартаковцев 36-летний форвард Алексей Геннадьевич Соколов, самый старший из участников финала. Он бросил быстрый взгляд на своего опекуна, могучего высокорослого защитника Салдадзе. По сравнению с ним Соколов выглядел тростинкой.

К концу первого тайма тбилисцы выигрывали 2:1 и, казалось, держали у себя все нити игры. Тут и возник момент, в корне изменивший характер поединка. Не помню кто, кажется Борис Смыслов, навесил мяч справа примерно в центр штрафной площадки. На передачу почти синхронно взвились в воздух Соколов и Салдадзе. Соколов, наверное, рассуждал так: «Сейчас я овладею мячом — я ближе, а что потом? Сзади эта громада мышц контролирует каждое мое движение». И он мгновенно принял решение: показав всем видом, что принимает мяч, Алексей Соколов в последнюю долю секунды пропустил его, уже предугадывая, как набегавший Георгий Глазков, словно ударом хлыста, вколотит мяч в ворота тбилисцев. Это была музыка футбола, торжество игровой мудрости!

А потом был второй тайм, феноменальный бросок Леонтьева в ноги прорвавшегося к воротам Пайчадзе, добавочное время, нырок Тимакова и его удар головой, приведший «Спартак» к победе. Эта победа влила силы в команду, укрепила веру в себя. И вскоре «Спартак», пополнившись талантливой молодежью, вышел снова в признанные лидеры отечественного футбола.

Мне кажется, что нам давно пора завести свою книгу Гиннеса. Думаю, что рекорды, установленные в условиях нашей многострадальной страны, стоят особенно дорого. Алексей Соколов, безусловно, вошел в эту книгу. Он установил замечательный рекорд, который впоследствии был только повторен, но не превзойден. Он становился участником пяти финалов Кубка страны и после всех пяти уходил с поля победителем. Это произошло в 1936 году в составе «Локомотива» и в 1938—1939, 1946—1947 годах в составе «Спартак». Убежден в закономерности этого рекорда. Ибо олимпийская система с выбыванием, с ее острой сюжетом наилучшим образом соответствовала характеру Соколова — игрока, основой которого были мастерство, риск и азарт.

Закончив свою активную жизнь в футболе, Алексей Геннадьевич стал не менее активным зрителем, что, кстати, нечасто случается с сошедшими со сцены мастерами. Игры «Спартак» были для него любимым развлечением. После изнурительной двухдневной борьбы «Спартак» с ростовским СКА в финале Кубка 1971 года он первым бежал в раздевалку:

— Поздравляю, Никита Павлович! Сколько ни болела, а померла!

— Спасибо, Алексей Геннадьевич! Но могла и выздороветь, — ответил, улыбаясь, тренер «Спартак» Симонян.

— Ни в коем случае, тогда «Спартак» не был бы «Спартак».

Однажды произошел случай, который до сих пор вспоминаю со стыдом.

«Спартак» играл в тот день на «Локомотиве». Виталий Сергеевич Артемьев, бывший тогда заведом СДЮШОР железнодорожников, преподнес мне на ту игру пропуск в служебную ложу. У входа в ложу стоял Алексей Геннадьевич. Мы тепло поздоровались, поговорили, и я пошел на трибуну. После игры он с горьким упреком сказал мне:

— Что же ты за мной не вернулся?

Я обомлел. Мне и в голову не могло прийти, что Великий Соколов не имел служебного пропуска!

Вспоминаю об этом на первый взгляд незначительном эпизоде в надежде, что читателями статьи станут и люди, от которых зависит распределение пропусков. Пусть они всегда помнят о великих мастерах, отдавших всю свою жизнь Его Величеству Футболу.

Мы часто сидели вместе на играх. В перерывах я очень любил расспрашивать его, и эти беседы хорошо запомнились.

— Как тебе удавалось так долго сохранять юношескую легкость, скорость?

— Прежде всего тренировки. Там надо выкладываться полностью, потом всесторонне окупится. А когда тренировки не было, я, бывало, возьму в Тарасовке велосипед, километров пятьдесят отмахаю, а на другой день мышцы поют. Ну и, конечно, режим. Никаких искушений.

— А что главное в мастерстве футболиста?

— Все главное. У настоящего мас-

тера все должно быть развито. Ну а уж если самое главное, то это понимание игры. Причем возникает оно мгновенно. Только что ты не думал об этом. И вдруг раз — озарение! Как тогда у нас с Глазковым.

— А у тебя был любимый игрок?

Он посмотрел на меня с каким-то доброжелательным превосходством, дескать, ты-то его не знаешь.

— Да, был... Петр Ефимович Исаков, — задумчиво, с расстановкой ответил Соколов. — Все видел, все понимал! Не зря его звали профессор.

— А Федотов?

— Хорош! Представляешь, нога сорок пятого размера. Ну как такой пробьешь по мячу? Так он припрорвался бить сбоку с лета, полулета. Помнишь, как он в сороковом году болгарам мяч положил?

— Конечно, помню. Этот удар сбоку, и даже в падении, был его «коронкой».

— А как в конце своей карьеры отдавал партнерам! Играл-то уже сзади, в оттяжке и оттуда руководил.

— А кто, по-твоему, был лучшим вратарем в нашей стране?

— Однозначно Жмелков! Фантастический вратарь! Иногда казалось, что ему невозможно забить. Не вовремя он родился. Не повезло ему. Все война отняла.

А я подумал: «Да разве только Жмелкову не повезло? А тебе самому, а Степанову, а тому же Федотову... А ведь на ваших примерах воспитывали не одно поколение. И как мы должны быть вам благодарны за то, что вы своей игрой утверждали истинную красоту футбола. И то, что мы постепенно забываем о вашем романтическом творческом стиле, сказывается негативно на облике современного футбола. Он тускнеет, становится все более коммерческим, прагматическим.

...Алексей Геннадьевич был необычайно добрым человеком, он любил нести радость людям. И людям рядом с ним было тепло и легко.

Сколько энергии и здоровья вложил он в создание искусственного футбольного поля в крытом манеже «Спартак». И как радовался, когда поле нравилось футболистам!

Я не помню, чтобы о нем кто-нибудь отозвался плохо. Как-то в разговоре с Николаем Петровичем Старостиним о неблагоприятных поступках молодых футболистов я сказал:

— Да разве могли бы такое сделать наши старые мастера! Тот же Алексей Соколов!

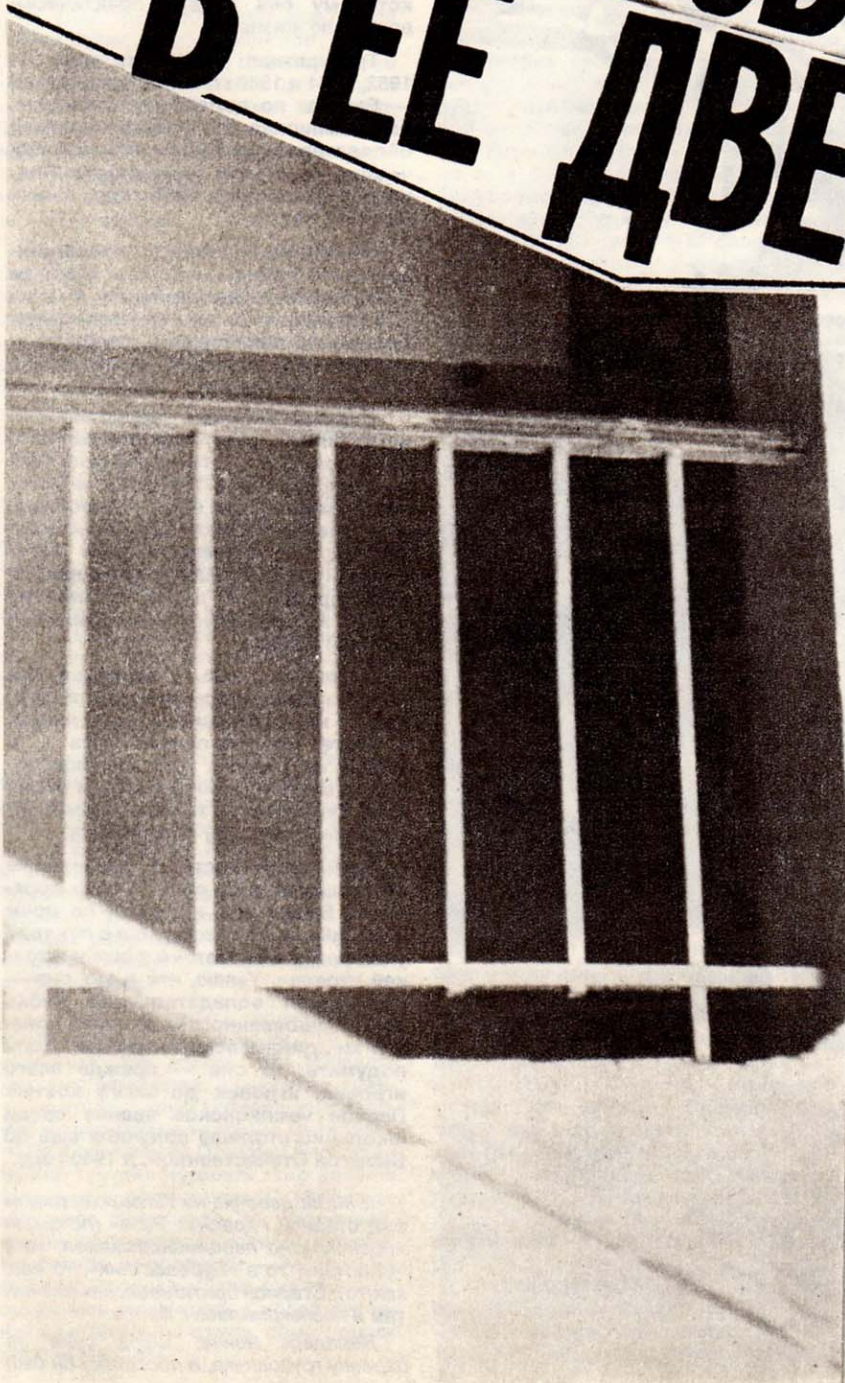
— Ну, Леша... Это был человек! — задумчиво ответил Старостин, и глаза его слегка повлажнели.

А Николай Тимофеевич Дементьев, вспоминая о нем, заключил:

— Он ласковый был.

Ушел Алексей Соколов из жизни незаметно, как будто растворился в окружающем нас мире. Еще вчера был рядом, а вот уже нет его и никогда не будет. И только наша память будет ему благодарностью за его жизнь, за его дела, за его Игру.

ПОСТУЧИСЬ В ЕЁ ДВЕРЬ

Александра ЧУДИНА... Ее имя всегда стояло для меня в одном ряду с такими именами, как имена футболистов Николая Старостина и Льва Яшина, хоккеистов Всеволода Боброва и Евгения Бабича, баскетболистов Отара Коркия и Ивана Лысова, наконец, с именами ее товарищей по волейбольному амплуа — Константина Ревы и Владимира Щагина.

Иные уже ушли от нас, других мы еще можем встретить и сегодня — это люди из легенды. Так можно ли представить себе, что кто-то из них, легендарных, сегодня, когда мы вдруг взахлеб заговорили о внимании к человеку, доброте, милосердии, гуманизме, оказался за чертой бедности. К сожалению, это определение все чаще и чаще встречается сейчас на страницах газет и журналов.

Тем не менее фамилию заслуженного мастера спорта Чудиной я нашел в списке спортсменов, остро нуждающихся в помощи — списке, составленном в Управлении кадров и социального развития Госкомспорта СССР. И тут же пришло в голову, что давненько не встречалась эта знаменитая фамилия в печати.

В динамовском совете ветеранов узнаю телефон, и вот я в известном всей спортивной Москве динамовском же доме на Новой Башиловке, что сразу за стадионом в Петровском парке. 8-й этаж, 35-я квартира. Звоню, дверь открывает сама хозяйка, но что это?

Стук костылей режет слух — левая нога отнята до бедра. Правда, хозяйка, похоже, отнюдь не стремится создать у посетителя похоронное настроение. Это все та же Чудина, некогда заводила на площадке, душа всех команд, за которые когда-то выступала.

— Та, да не та, — грустно улыбается Александра Георгиевна. — Отпрыгала свое, если не сказать: «Допрыгалась...».

Да, диагноз был неумолим — «облитерирующий склероз», ногу спасти было нельзя. Причину же заболевания долго искать не приходилось. Это — его величество Большой спорт, которому она отдала практически всю свою жизнь.

Трехкратная чемпионка мира — 1952, 1954 и 1960 гг. и четырехкратная — Европы по волейболу, семикратная чемпионка СССР и трехкратная обладательница Кубка европейских чемпионов в этом виде спорта. Площадку оставила в 1967 году, в возрасте 43 лет.

С легкой атлетикой распростилась на 9 лет раньше, но и здесь ее фамилия то и дело мелькает в списках рекордов. Была она чемпионкой Европы по пятиборью и двукратным серебряным призером континента в прыжках — в длину и в высоту.

В легкой атлетике именно она открыла список советских чемпионов и призеров. Было это на первом чемпионате Европы в 1946 году в Осло, когда наша страна еще и не состояла в легкоатлетической федерации континента. На Олимпиаде-52 в Хельсинки Чудина добывает две серебряные (прыжок в длину и метание копья) и одну бронзовую (прыжок в высоту) медаль.

Открытие же волейбольной Европы состоялось для нас в 1949 году, на чемпионате континента в Праге; волейбольного мира — в 1952-м на родном для нее московском стадионе «Динамо». И на обоих этих турнирах к золотым медалям вела нашу команду она, Чудина.

Разносторонность и долгожитие на площадке этой спортсменки поражают. Видно, это написано на моем лице, ибо моя собеседница с лукавой улыбкой добавляет: «А я еще и в хоккей играла». Узнаю, что и тут она — двукратная обладательница Кубка СССР, завоеванного в составе, конечно же, динамовской команды. Если подумать, то она — прежде всего игровик, игровик до мозга костей. Первое чемпионское звание среди школьниц столицы получила еще до Великой Отечественной, в 1940 году.

...Жила девочка на Плющихе, рядом был стадион «Красная Роза» (потом он неоднократно переименовывался: то в «Спартак», то в «Буревестник», то еще как-то). Стадион притягивал, как магнит, там и познакомилась с бенди.

Началась война, Шура села за баранку грузовичка, а поскольку он был

приписан к автобазе НКВД, а значит, к динамовскому ведомству, то юный водитель попала в поле зрения тренера динамовской женской хоккейной команды. Он приглашает ее в состав. Почти тут же следует приглашение и от волейбольного тренера, разумеется, того же клуба — знать, заметной была девчонка.

Так и пошло: ночь за баранкой, утром — хоккей, вечером — волейбол. Потом — чередой чемпионаты страны, ведь спортивная жизнь Москвы возродилась, едва только немцы отогнали от ее стен. Так Чудина стала двукратной обладательницей хоккейного Кубка страны — титула для женщины редчайшего.

В 1947 году, по выражению моей собеседницы, наше женское бэнди было прикрыто. У юной Шуры, опять же по ее словам, оставалось два вида в запасе: волейбол и легкая атлетика. Благо на тренеров ей тут везло: и волейболист Михаил Крылов, и легкоатлет Иван Сергеев были истинными энтузиастами — с утра до ночи не уходили со стадиона.

Чудина становится рекордсменкой страны по прыжкам в длину и высоту, потом — в многоборье. Волейбольная команда «Динамо» также не знает поражений. На полках скромного книжного шкафа Александры Георгиевны — коробочка с медалями: пять золотых, четыре серебряные, одна бронзовая, завоеванными на волейбольных чемпионатах страны.

...Моя собеседница говорила и говорила — я не останавливался и не перебивал. Видел: человек весь во власти дорогих ему воспоминаний. Но вот разговор со спортивной темы прошлого перешел неизбежно к дню сегодняшнему. И оказалось, что моя собеседница в курсе всех событий, с горячностью обсуждает перипетии созываемых одна за другой, а то и всех разом сессий наших Советов, от Верховного до районных. Всем живо интересуется.

Но смотреть друг другу в глаза мы избегаем, ибо отлично понимаем, что беседа наша неизбежно должна перейти к тому, за чем я пришел в этот дом на Башиловке. И хотя я стараюсь не оглядываться вокруг себя, умница Чудина прекрасно сознает, что нельзя не увидеть некую печать запустения, заброшенности в этой, в общем-то, благополучной квартире. И не выдерживает:

— Хотите спросить, ходит ли кто сюда? Не ходит! И не ходили. Три года, понимаете, три долгих года провалилась я по больницам, и никто, понимаете, никто! (тут моей собеседнице изменяет выдержка) не навелит меня там.

Да, больничная Одиссея инвалида первой группы Чудиной кого хочешь приведет в содрогание. С 1987 года операция следовала за операцией, резали по живому, кусок за куском, все хотели ногу спасти — но боль не утихала. Сколько могла, она терпела, держалась на уколах, а когда терпения уже вовсе не стало, сама попросила: «Режьте!»

— Отняли у меня левую. Какой же нормальный человек выдержит столько толчков! Ведь именно левая была у меня толчковой: и в прыжках в длину, и в высоту, и у волейбольной сетки — за все она, родимая, отвечала. А чего стоили подскоки со штангой на тренировках, хоть тут нагрузка и на обе ноги ложилась.

Люди бывают разные. Кто-то стремится выплеснуть все сразу — душу облегчить. Моя собеседница сдержанна. Да, видно, любому терпению приходит конец. И вот вырвалось это наболелее с надрывом: «Понимаете, никто не пришел!»

В ответ я говорил какие-то жалкие слова, вроде «Еще придет», в которые и сам не верил, но Александра Георгиевна уже взяла себя в руки. Беседа наша перешла в спокойное русло, хотя была она грустной и горькой — слишком контрастным оказался переход от столь яркого прошлого к безрадостному настоящему. Задумаемся над этим настоящим.

Пенсия у Чудиной хоть и громко именуется «За заслуги в спорте», да еще с приставкой — «республиканского значения» — 105 рублей.

— Всего только до сотни с небольшим и допрыгалась за свою долгую спортивную жизнь, — заключает моя собеседница. — Членам партии полагается еще и 13-я пенсия в году и бесплатная путевка в санаторий с бесплатным же проездом, только у меня-то во всех анкетах стоит «б/п», а простенькое это сокращение закрывает дорогу ко многому. До сегодняшнего дня по крайней мере так было.

Пока была цела нога, она еще подрабатывала в динамовском спорткомбинате и на судьбу не жаловалась. Но в декабре 1988 года ее уволили — у инвалида право на работу весьма сомнительно. Правда, в виде компенсации за отрезанную ногу прибавили к пенсии... аж десятку. Потом — как подачку — еще 15. На том щедроты власть предержащих и кончились. Вот и крутись, как умеешь, да еще думай о 92-летней матери, лежащей за стеной в постели, да о девальвации рубля и повышении цен.

Мир всегда был не без добрых людей. На Чудину обратила внимание известная благотворительная организация «XXI век» и в начале нынешнего года подкинула ей денег. Но будет ли эта помощь постоянной, пришлют ли еще и когда пришлют — ни в чем уверенности нет. Однако, насколько я понял, денежный вопрос для Чудиной не главный — привыкла обходиться малым. Видимо, для таких, как она, придумано это: «Не в деньгах счастье». Но представьте себе на минуту: неделями, месяцами, годами уже — в четырех стенах, ведь даже в магазин ни мать, ни дочь выйти не могут. Ведь с ума сойти в пору.

Сколько шума наделала история с баскетболистом Сизоненко, она и в нашем журнале описывалась (№ 11—12, 1987). Не хочу сбиваться на срав-

нение заслуг перед спортом его и Чудиной, пусть Сизоненко просто не успел там столько, сколько она, в конце концов не его это вина. Но как тут не вспомнить русской пословицы «Кто смел, тот и съел»?

Она смелой была на площадке, а в жизни — сама скромность, значит, и терпи молча. Не пришел бы я к ней домой, никому б и не поведала она о своих мытарствах, так бы и жила, никому не стучась, ничего не требуя.

Другой же не молчит, стучится во все двери. Настойчив, неутомим. Да, возможно, и ему нужна машина, хотя бы инвалидная, чтобы почувствовать себя полноценным человеком в этой жизни, не знаю. Но что она просто необходима Чудиной — в этом убежден.

И пусть материальная сторона жизни саму Чудину не очень-то и беспокоит, но есть же и другая сторона. Назовем ее моральной. Чудина живет рядом с «Динамо». Там работают немало ее подруг по команде. Увы, никто не постучится в ее дверь. Не привыкли люди в наш черствый век на чужую беду откликаться. Не научились принимать эту беду как свою собственную. Так хоть бы такую цеховую солидарность проявили.

Александра Георгиевна и тут снисходительна: у каждой, дескать, своих забот полно.

— Я не гордая. Сама бы выбралась, если б помогли. На юбилей Левы Яшина на улицу Лавочкина, а потом, к несчастью, почти сразу же и на похороны на Ваганьковское меня еще свозили. А от жизни спортивной вот этими четырьмя стенами отгорожена наглухо. Я б такси взяла, на костылях да побывала б на хорошем матче в зале, в котором, почитай, вся жизнь прошла...

Однако с Московской олимпиады ни разу, ни на один матч ей пригласительно прислать не удосужились. Равно как и живущему в соседнем подъезде знаменитому Владимиру Щагину или не менее знаменитому Константину Рева. А ведь это о них многолетний президент ФИББ Поль Либо сказал: «Чудина, Щагин и Рева для волейбола сделали больше, чем все заседания нашей международной федерации».

По какой-то очень уж грустной ассоциации история Александры Георгиевны Чудиной напомнила мне концовку одного почти забытого телефильма. Там соратники и ученики заслуженного сталеваара вдруг вспоминают, что их «дяде Коле», который когда-то передал им свое мастерство, исполняется 70 лет. Долго думали, что подарить ему в юбилей, остановились на статуетке, изображающей сталеваара. Гурьбой заявляются на квартиру юбиляра и тут узнают от соседей, что дядя Коля уж года три как помер.

Очень не хотелось бы проводить столь грустных параллелей, да Чудина недавно исполнилось 67...

Виктор ПУГАЧЕВ

Андрей Лопатов
фото Владимир Ульрихов

ПРАВДА
Газета

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

А. Момы

ИНТЕРВЬЮ
ДЛЯ
ОТКРОВЕНИЙ

ЛОПАТОВА

Андрей, ты еще здесь? — Услышал я как-то в фойе универсального зала ЦСКА. В голосе технического директора нашей первой профессиональной команды велосипедистов «Альфа Люм» в Италии звучало неподдельное удивление. Вопрос был адресован заслуженному мастеру спорта Андрею ЛОПАТОВУ. И велогонщик, и баскетболист вместе увольнялись из армии, чтобы попробовать свои силы за рубежом, еще в начале 1989 года.

Тогда у старшего лейтенанта все получилось гладко, а капитану Лопатову так затянули дело, что истекли все мыслимые и немыслимые сроки заключения контрактов.

«Что ж, — подумалось мне. — Наш баскетбол от этого только выиграл. Сколько великолепных матчей подарил его любителям этот 33-летний ветеран в минувшем сезоне!»

Но когда услышал ответ Лопатова: «Теперь уже недолго осталось», пришло в голову, что ведь мы, спортивные журналисты, в долгу перед

этим мастером баскетбола. Из того, что написано о Сабонисе, Хомичюсе, Куртинайтисе, тома можно складывать. Не обижены вниманием и товарищи Андрея по команде. А вот о нем самом, играющем тренере между прочим, читатель знает мало.

Прекрасно понимая, что нынешний сезон (хоть и был он для него таким ярким, признанием чего явилось включение Андрея в команду «Восток» на матч звезд и сборную страны на чемпионат мира) станет для него последним, я решил здесь же, в цезесковском фойе, поговорить с ним.

— Андрей, но ведь известно, что, несмотря на затяжку с демобилизацией, вы ездили в Финляндию, играли там...

— Верно, да больно уж неудачно все сложилось. Хотите подробности? Пожалуйста. Финские клубы в Турку и Котке (их названия читателю ничего не скажут) в 1989 году прислали мне приглашения. В Котке я даже прошел некую стажировку. Между прочим, вместе с американцем Майком Чарльтоном, игравшим ранее в команде НБА «Детройт Пистонз». Финны люди деловые, титулы титулами, а ты им изволь товар лицом показать.

Честно говоря, ехал я в Финляндию без особой охоты, не тот там баскетбол, где-то на порядок ниже нашего. Казалось бы, легкой прогулкой должна была обернуться для меня эта стажировка. Ан нет, вся нагрузка в играх — и в нападении, и в защите — мне и досталась. И

мой «ахилл» не выдержал. Диагноз был безапелляционным: «Чистить!»

Врачи предложили съездить домой, подлечиться. Но у меня слишком свежи были в памяти муки, которые перенес Володя Ткаченко. Не забыл и о том, как не смогла наша бесплатная, «самая лучшая в мире» медицина справиться с «ахиллом» Арвидаса Сабониса, и он был вынужден поехать в Испанию не только играть, но и лечиться. И хотя я ровным счетом ничего не знал о медицине финской, но был уверен, что в любом случае она надежнее нашей.

Финны пошли мне навстречу, уложили в прекрасно оборудованную клинику в Котке, где работал специалист, как раз автор новой методики по чистке сухожилий. Прошло всего девять дней после этой серьезнейшей операции, а я уже бегал, смело наступая на еще недавно больную ногу. Только вот время для заключения контракта упустил. Ну а заикаться о своих болячках у себя дома я не стал и еще по одной причине. Прекрасно знал, как спешат у нас «списать» ветерана, которому мало того что 33 стукнуло, так его еще и лечить надо. Перед глазами стоял пример Анатолия Мышкина. Ему бы еще играть и играть, а он, и не болея, вынужден был оставить площадку. Просто устал доказывать, что еще способен принести пользу, добавлю от себя — и немалую, своему клубу.

Диву даешься, да что там — просто зло берет при виде такого разбазаривания игроков — нашего, как теперь принято говорить, генофонда. Тем более что замены, настоящей замены ни тогда — Мышкину, ни сегодня — себе не вижу. Не только или не столько о мастерстве говорю. Не вижу в наших резервистах самого главного: этакое спортивное горение, желания добиться высот в спорте.

Откуда это отсутствие честолюбия, качества, вроде бы присущего прежде всего юности, понять трудно. Видно, общая обстановка в стране: с одной стороны, сплошные, куда ни глянь, недостатки да нехватки, с другой — желание молодых поскорее «видики», а то и компьютеры занять да чтоб деньги постоянно в кармане похрустывали, отодвигают на задний план и спорт, и желание найти себя в спорте.

А в большом спорте так просто эти деньги не заработаешь. Тут вкалывать надо. Правда, теперь вроде бы и есть за что: добьешься высоких результатов у себя дома, и тебе дорога открыта — поезжай за рубеж, зарабатывай деньги...

— Но мы отвлеклись. Думаю, вашему «ахиллу» смогли бы помочь и дома...

— Абсолютно в этом не уверен. Ведь у нас до сих пор нет четкой программы или методики восстановления спортсменов. Как тут лишний раз не вспомнить американцев. Во время поездки в США я встретился с хоккеистом Вячеславом Фетисовым. Разговорились. У него случилась всего лишь легкая травма колена. У нас на нее и внимания бы не обратили, ограничились бы традиционным «до свадьбы заживет».

Там же доктор его клуба запретил Вячеславу выступать в ближайших трех матчах. И был неумолим, хотя тот был очень нужен команде именно в этих встречах. Вот это профессиональный подход к спорту и спортсмену по самому большому счету: пожертвовать сиюминутными интересами ради будущего, поставить во главу угла здоровье спортсмена.

Можно, конечно, продолжать рассуждения, что там, «у них», тренер или менеджер печется прежде всего об интересах своего клуба, а не спортсменов, да эти рассуждения пора сдавать в архив. Возможно, вслух в США и в самом деле больше говорят о бизнесе, чем о милосердии. Мы-то о последнем трибун сегодня на всех перекрестках. А нам еще дорасти до него надо, проникнуться чувством истинного, а не показного милосердия.

— И все-таки вам-то грех было опасаться. Со всех сторон только и слышалось: «Знать, к Лопатову вторая молодость пришла». Ну да ладно, сезон прошел, а какковы перспективы с заключением контракта за рубежом?

— Когда журнал попадет читателю, все уже решится. Но, думаю, будет неспроста — возраст есть возраст. Начиная нынешнее «отпускание тормозов» раньше, и я бы своего не упустил. Но в ту пору в армии ведь было как — «дохнуть не могли».

У всех, конечно, жива в памяти полу-скандальная эпопея с хоккеистами первой тройки ЦСКА и Вячеславом Фетисовым. Вот я со своим рапортом об увольнении и угодил под горячую руку начальства: дескать, тут хоккейная команда — гордость клуба разваливается, и ты туда же. И рапорт на год с лишним упрятали под сукно. До того, что я отдал лучшие годы этому же самому клубу, никому дела не было. «Ты ж профессионал, за что тебе деньги платим?» — такое вот толкование профессионализма.

Да, сейчас у нас в стране большие позитивные перемены. Но в спорте в этом плане их особенно не видно. По-прежнему живуч принцип: все получая от нас, спортсменов, давать нам как можно меньше. Но от меня-то вроде получили уже все. Лучшей игры я не покажу, это потолок.

— Скромничаете, Андрей. Минувший сезон стал, без всякого преувеличения, звездным для Лопатова.

— Да я и не отрицаю этого. Тут вот еще в чем дело. С Юрием Селиховым я

никак не мог найти контакта, поэтому на какое-то время и «исчезал» с высоких баскетбольных горизонтов. Такой уж человек Юрий Геннадьевич — не доверяет людям. Что-то, видно, случилось у него в жизни, на чем-то обжегся, и с тех пор не верит даже рядом стоящим.

Можно же не дружить, но быть соратником. Но и этого у нас не получилось. Селихов не сумел взять от меня все, что я мог дать команде. Сам я чувствовал, что еще способен на многое, но как выйти на площадку, минуя тренера?

С Сергеем Беловым тоже общий язык найти очень непросто. Но в чем ему не откажешь: умеет он взять от игрока все самое лучшее, а поскольку я и хотел «отдать», то у нас и сложился такой тандем тренер — игрок. Мы не лезли друг другу в объятия, но контакт был полным. Отсюда и моя ровная, надежная игра, и показатели соответствующие.

— Ваши надежды, сбывшиеся и несбывшиеся?

— О сбывшихся можно прочитать в программах... (Я знал это и без программ. Заслуженный мастер спорта Лопатов — чемпион мира, трехкратный чемпион Европы и девятикратный — СССР, обладатель Межконтинентального кубка, бронзовый призер Олимпиады-80). А несбывшаяся мечта — стать олимпийским чемпионом. Считаю, что была она в двух шагах от меня в 1984 году, да вмешались «высшие силы» и вместе с поездкой наших спортсменов в Лос-Анджелес отняли у меня и эту мечту.

Дело прошлое, не стал бы я сейчас кривить душой и что-то там брюзжать вдогонку событиям. Но, право же, та сборная-84 имела все шансы завоевать золотые медали несмотря на то, что Олимпиада проходила на земле наших основных соперников.

Рад, что Александр Гомельский сумел сохранить потенциал той команды к Сеулу, и все же убежден: сборная образца 1984 года была сильнее сборной-88.

— Коль скоро сами затронули Сеул, то и мне можно это сделать. Непопадание в состав на самых главных соревнованиях спортсмены переживают тяжело...

— Что теперь, по прошествии лет, скажешь? Не сумел, возможно, я доказать Гомельскому, что нужен команде, вот и не взял он меня в Сеул. Хоть и был я в форме, не хуже других.

Но что опять же вдогонку говорить, ведь сборная и без меня привезла домой «золото». Самокопание же никогда не было моим любимым занятием. То же, что у нас нет никакого дела до тех, кто «выпал из гнезда», хорошо известно. Правда, сам Гомельский вроде бы меня со счетов не сбрасывал, но вокруг сборной всегда роится целый сонм сановитых, куда повыше тренера рангом. И если тебе каждый день долбят: «Тот-то уж не тот, надо встать другого», — это не может не сказаться на окончательном решении.

Я уж понял, что мой собеседник — отнюдь не нытик, не скатывается на позиции критиканства, не ищет причин неудач или неудовлетворенности в чем бы то ни было вне себя. Но вместе с тем занимает жесткие позиции по любому вопросу, какой ни затронь. И решил вернуться к перспективам его карьеры за рубежом.

— Даже по небольшому своему «финскому опыту» я понял, что посреднические организации, будь то наш печально известный «Совинтерспорт» или деловой международный «Челек», не очень-то знают зарубежную баскетбольную конъюнктуру. Потому-то в их деятельности и столько накладок. При чем накладками эта деятельность обобщается в первую очередь для нас: как для клубов, так и для игроков. Для игроков — в особенности. Знаю, например, что Мышкин, как тренер женской команды ЦСКА, к услугам «Челека» уже никогда не прибегнет.

«Выходить» нужно на спортивных агентов — есть теперь такие. Они хорошо знают сильные и слабые стороны спортсменов, прекрасно представляют себе, куда лучше «продать» того или иного игрока. Тут даже сумма контракта не самое главное. Важнее, чтоб тебе нашли команду, которой ты подошел бы больше.

Мы ведь во всем этом еще этакие школяры. Я, например, мог бы во Францию еще в прошлом сезоне уехать, да клуб (не стану уж его называть, раз «помолвка» не состоялась) заподозрил, что я «играю в темную» — это о переговорах с финскими командами, — и отказался от своего предложения. Что ж, и из неудач надо извлекать уроки...

Что Лопатов далеко не прост, мне стало ясно еще из его отношения к этому интервью. Двадцать раз подчеркнул Андрей, что пойти оно может только с его правкой. А правда, надо сказать, была дотошной.

Впрочем, это выглядело мелочью по сравнению с тем, что последовало дальше. «На мази» были переговоры Андрея с зарубежными клубами, куда престижней финских. Но в самый разгар их Владас Гарастас приглашает Лопатова в сборную страны. И что же? Андрей не колеблется ни секунды.

Побок переговоры, без колебаний отброшены в сторону соображения выгоды: «Раз нужен сборной, о чем речь?» Он едет в Сизтл на Игры доброй воли, а потом и на чемпионат мира. А ведь в известной степени тем самым ставит на карту и собственное будущее: ведь каждый лишний год отнюдь не прибавляет ценности ветерану. Это, если хотите, уже поступок.

Что ж, мы видели, хотя бы по телевизору, какую пользу принес Андрей сборной на этих турнирах. А карьера за рубежом? Думается, она от него не уйдет.

Интервью провел Виктор БЕЛОУСОВ

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Представьте себе такую картину. Всем хорош был человек. Выбирают его — именно выбирают по всем законам нашего перестроечного времени — на альтернативных началах, а не назначают, как бывало прежде, во времена застойные, на ответственный пост. Мало того, по истечении первого трехлетнего срока пребывания на этом посту избирают вновь, уже на второй срок.

И вдруг в один далеко не прекрасный для самого героя день ему недвусмысленно дают понять, что он стал негоден.

Именно такая история произошла с Юрием РАЗОРЕНОВЫМ, судьей всесоюзной категории по хоккею, теперь уже бывшим председателем Всесоюзной коллегии судей.

Я понимаю, не такая уж «государственная» должность — судейский президент в спорте, чтоб исподволь готовить целую кампанию по его смещению. Тем не менее факт остается фактом: не прошло и года после избрания Юрия Разоренова на второй срок председателем Всесоюзной коллегии судей, как его смещают с этого поста, мало того, выводят и из президиума коллегии.

Умудренный опытом многочисленных опал в наше сложное время читатель может сразу заподозрить,

что это неспроста, что за «просто так» у нас не снимают и прочее и прочее. Поэтому я решил докопаться до истины в беседе с самим «потерпевшим», тем более что по телефону он мне сказал: «Раз так, то и я скрывать ничего не намерен!»

Мы встретились с Юрием Михайловичем в его опытно-конструкторском бюро автоматики. Солидный человек, руководит отделом этого бюро, он и держится солидно. Чувствуется, что ему больше всего не хотелось бы сбиваться на сведения каких-то счетов, сваливать вину — которой, уж забегая вперед, скажем, за ним и не было, — на кого-то другого или других. Да, видно, наболело, и он рассказывает, рассказывает все без утайки.

Разоренов отдал хоккею тридцать лет своей жизни. Начинать с председателя хоккейно-футбольной федерации Дзержинского района Москвы, а с 1976 года уже состоял в президиуме Всесоюзной коллегии судей. Был главным арбитром так называемого олимпийского резерва, а проще говоря, много судил матчи юных хоккеистов. На его счету здесь семь всесоюзных и два международных турнира.

В общем, не случайным человеком был в хоккее. И все же немало уди-

вился, когда в 1985 году в Управлении хоккея Госкомспорта ему предложили выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя Всесоюзной судейской коллегии. Тем более что к предложению этому присоединился и тогдашний президент Федерации хоккея СССР Николай Корольков.

— Почему удивился? — переспрашивает Разоренов. — Да хотя бы потому, что такие арбитры, как, скажем, Юрий Карандин или Виктор Домбровский, были куда более достойны избрания на этот пост, их вся страна знала, весь хоккейный мир. Месяц я провел в нелегких раздумьях, колебался, пока меня не убедили, что тут вовсе не требуется приставки «международный» к моему судейскому званию. Нужны в первую очередь организационные способности и наличие собственной четкой программы.

(Вот уж не думал, что спорт на добрых пять лет превосхитил требования, которые сейчас предъявляются к кандидатам в депутаты всех уровней, начиная от райисполкомов и кончая Верховным Советом СССР. Как бы то ни было, а собственная программа у моего собеседника тогда уже была.)

Оглянувшись я на свой 30-летний опыт работы в хоккее и дал согласие. Выборы для меня прошли, что называется, без сучка без задоринки. Зато очень скоро после них понял я, какую ношу на себя взвалил. Дело в том, что на рубеже 1985—1986 гг. ушли со льда

по возрасту сразу шесть наших лучших арбитров. Для судейского корпуса, а значит, и для всего хоккея это было заметной потерей, не меньшей, чем недавний столь шумевший уход армейских игроков, стовизд ЦСКА золотых медалей, да и изрядно осложнившая жизнь нашей сборной.

Я, засучив рукава, принялся за дело. Понимал я свою работу шире, чем председательство на заседаниях коллегии. Так, вместе с преподавателем ГЦОЛИФКа Алексеем Измествьевым я организовал школу хоккейных судей на «Динамо», где нам предоставили и учебную аудиторию, и лед. Дело у нас пошло.

Неудивительно: в такие школы можно проводить набор практически с любого возраста. Есть же в хоккее неудачники. Как большие игроки они не состоялись, но лед-то их манит по-прежнему. Вот таким в самый раз и предложить попробовать силы в качестве арбитров.

Но когда предложил создать такие же школы при «Спартаке» Науму Резникову, при ЦСКА — Валентину Никульцеву, при московском «Динамо» (у меня-то спонсором был ЦС «Динамо») Виталию Уварову, все трое отказались наотрез.

Ну на нет, как говорится, и суда нет. Я продолжал работать, и, видно, неплохо, раз в 1988 году впервые созванная Всесоюзная конференция судей вновь избрала меня в президиум коллегии, а тот — своим председателем. Причем теперь я получил этот пост в борьбе с еще двумя кандидатами: Резниковым и Андреем Захаровым.

Однако работать мне легче не стало. Так, видел я, что наш ведущий судья Юрий Карандин, несмотря на то что достиг возрастного ценза (50 лет), находится в прекрасной форме и по качеству судейства на тот момент разве что один Домбровский мог с ним сравниться. Почему бы для Карандина не сделать исключения и дать ему посудить на льду еще?

Но со мной никак не желал соглашаться Николай Морозов: дескать, ценз неумолим. Надо ли говорить, что последнее слово осталось за работником аппарата, а не выборным президентом (ведь Морозов-то штатный тренер Управления хоккея Госкомспорта).

Но все это были цветочки. Ягодки же появились, когда я вторгся в «святыню» нашей судейской аппаратной элиты — в поездку арбитров как для проведения матчей, так и на различные международные совещания (а их в хоккее немало) за рубеж. До тех пор все вопросы, связанные с такими поездками, решались келейно. Я же потребовал у Морозова список кандидатов на выезды в сезоне 1988/89 г., прямо заявив ему, что впредь решение о таких поездках будут приниматься президиумом Всесоюзной коллегии судей. Что скрывать, эти поездки манят всех, а потому нередко являются и предметом раздоров.

Это свое заявление я оформил официально, подав в Управление хоккея Госкомспорта служебную записку. Обратной я получил ее с тремя заплю-

циями: «Первая: «Судьи для поездок за рубеж отбираются в зависимости от их квалификации». (Скажите, какое открытие!) Вторая: «Официальные соревнования судят арбитры, назначенные Международным судейским комитетом». (Еще более «сенсационное открытие») Третья: «Представьте Ваши предложения по назначению арбитров на зарубежные матчи и турниры». Все резолюции были за подписью одного и того же человека. Вы уже догадались? Конечно, Морозова.

— Странно: зачем же председателю Всесоюзной коллегии ходить с протянутой рукой в какие бы то ни было «присутствия», будь то и Госкомспорт? Вам бы и решать на президиуме, а если надо, так и на общем собрании Всесоюзной коллегии судей. Ведь у нас вроде бы теперь открытость полная, бывшая келейность уходит в прошлое.

— Абсолютно с вами согласен. Но уж очень живучи у нас расхождения между понятием «так надо» и тем, что есть на самом деле. В Международном судейском комитете у нас давно заседает один и тот же человек — Валентин Козин. Как он попал туда, я, честно говоря, не знаю. Что рекомендации коллегии судей он не имел, это точно. Решения Федерации хоккея я не видел, но вполне допускаю, что такое решение есть, им просто проштамповано другое, волевое решение Управления хоккея.

— Но по логике вещей и перед вами, по крайней мере перед президиумом судейской коллегии, Козин должен был отчитываться.

— Я и требовал от него отчета, но он неизменно отсылал меня все к тому же Морозову, как штатному работнику управления. Когда же я пытался поговорить с Морозовым, то в ответ слышал: «Ну, ты же знаешь, Козин у нас в международных делах всему голова». Этаким заколдованным кругом получался, а точнее — круг «избранных», в который больше никого не хотели допускать.

В управлении все держалось в секрете до последнего дня, кандидатуру на поездку называли, как говорится, в пожарном порядке, когда ни на какие альтернативы времени уже не оставалось. Очередной международный турнир всегда оказывался буквально на носу, когда ж там президиум было созывать?

Это — о поездках на судейство соревнований. На всякого же рода международные совещания, что называется «без дураков», ездили одни и те же. Кто именно? Читатель, наверно, уже смекнул и сам: те же работники управления Морозов и Никульцев.

Попытку внести в это дело открытость, поставить его на, так сказать, демократические рельсы функционеры восприняли как посягательство на свою монополию. И среагировали по-своему: «по-мелкому». Когда пришел телекс, вызывающий наших представителей на совещание в Вену, предложили подать документы и мне с ответственным секретарем нашей судейской коллегии Анатолием Егоровым.

Егоров-то в австрийскую столицу поехал, а мои документы, как я после узнал, в Вену вообще не посылались. С кем поехал Егоров, теперь уж нетрудно догадаться — с тем же Козиним. Да и вообще ларчик открывается просто. Егоров, некогда тоже работник Госкомспорта, теперь занимает должность заместителя генерального директора фирмы «Орбита-сервис» в Подмоскowie, словом, «нужный человек». Кстати сказать, ездил Егоров и в США, и в другие страны и без всякого ведома Всесоюзной коллегии судей; не знаю даже, как эти поездки оформлялись. С меня же что взять? Да еще я, по разумению функционеров, то и дело норовил им «палки в колеса вставить».

В следующем году — новое совещание в той же Вене. В управлении решают повторить испытанный трюк, снаряжается уже знакомый читателю тандем: Козин—Егоров. И вдруг первый звонит мне: «Знать, вы в рубашке родились, на вас вызов пришел». Надо было видеть эту недостойную уважаемых людей панику, видеть, как в пожарном порядке сдается билет Егорова, а мне покупается транзитный — в Вену через Берлин.

Козин в Вене держался со мною покровительственно, вроде бы он тут все, а я так, сбоку припека. Всячески показывал, что это некая закрытая сфера, где мне делать нечего, а моя, дескать, забота — свои «домашние» судьи. Вот уж поистине яркая иллюстрация «возросшей» роли общественности в нашем спорте!

Хорошо хоть мой знакомый Йозеф Компалла из ФРГ сидел на совещании рядом со мной и переводил все, о чем там говорилось. Из этих переводов я только и узнал, на какое место ставит судейский комитет Международной хоккейной федерации каждого нашего арбитра, судившего международные матчи.

Словом, из Вены вернулся я уже не такой «темный», узнал, что Морозов вовсе не пользуется таким авторитетом, как некогда Карандин и Домбровский. Узнал и многое другое и весной 1989 года потребовал: «Долой алфавитный порядок при определении десятки лучших арбитров в нашем хоккее!» Их следует расставить там в соответствии с авторитетом, и прежде всего авторитетом за рубежом.

Прекрасно сознавая, что при открытом голосовании в присутствии работников Госкомспорта объективных результатов ждать не приходится, я добился, чтобы все важнейшие решения ВКС принимала тайным голосованием. Именно так по моему предложению в президиум ВКС были введены известные в хоккее люди, как представители ведущих спортобществ: из ЦСКА — Виктор Жлуктов, из «Динамо» — Сергей Самойлов, от профсоюзников — Александр Прилепский, а после его смерти — Николай Карпов.

В июне 1989 г. тайным голосованием была названа и десятка лучших арбитров. Результат оказался сенсационным. Судьей номер один был назван Виктор Губернаторов из Рязани. И

только за ним шел Николай Морозов. Егоров же и вовсе оказался на 5-м месте, его обошли Александр Федотов из Горького и Александр Федосеев из Новосибирска.

Когда по оглашению результатов на меня волком глянул Морозов и тут же ушел из зала, я понял, что нажил себе могущественных врагов. Впервые в «Советском спорте» не был опубликован список десятки лучших судей, который я передал в Управление хоккея. Нетрудно было видеть, как изменилось ко мне отношение в этом самом управлении. Не знал я, видно, против кого иду.

Много было всякого, рассказывать обо всем — только душу беречь. Вот только один, но многое объясняющий эпизод. В конце августа 1989 года перед президиумом ВКС ко мне подходит его ответственный секретарь Егоров и говорит: «Юрий Михайлович, Козин едет в штаб-квартиру Международной федерации хоккея, надо назвать кандидатуры наших судей на чемпионат мира-90». Я ему в ответ: «Какие же тут проблемы? Губернаторов у нас арбитр номер один, его и назовем».

Однако открывается заседание президиума, и Егоров называет кандидатуру... Морозова. Я, разумеется, против. Егоров бросает: «Вы идете против пре-

зидиума». Я отвечаю: «Президиум состоит из 27 человек, здесь же присутствует только 11». Но машина уже заработала: 6 рук поднимаются за то, чтобы решать вопрос на этом ущербном президиуме (а как его еще назвать, если отсутствует большая часть его членов?). И решают, как уже догадался читатель, послать на чемпионат Морозова.

Вот тогда-то я и осознал, что будто веду борьбу с ветряными мельницами. И подумалось: «Да во имя чего, зачем?» И решаю, как говорится, уйти в отставку... Колосков вроде бы пытался меня отговорить: вас же только недавно избрали (имелось в виду — на второй срок)... и т. д. и т. п.

Но я уже решил для себя все. Жалею только, что впервые в жизни покривил душой — в заявлении указал причиной ухода «большую занятость на основной работе». Потом стало стыдно за самого себя. Хотелось объяснить людям истинные причины своей отставки. Я попросил заслушать меня на исполкоме Федерации хоккея СССР. Да колесо уже закрутилось, обратного ходу уже не было...

Да простит мне мой собеседник, но у меня создалось впечатление, что его так «гладко» выбрали на высший

судейский пост в нашем хоккее с подачи власти предержавших только в надежде, что в их руках он станет послушным исполнителем их же воли.

Впрочем, прощения у Разоренова мне и просить, видно, не стоит. Сегодня, наученный горьким опытом, он, по-моему, и сам это прекрасно понял, о чем не раз говорил и в этой беседе. Пусть не всегда прямо, но между строк-то все время это прочитывалось совершенно отчетливо. Надежды на покладистость Юрия Михайловича не оправдались. Ну а неугодных, как известно, убирают.

Интервью провел Виктор ВИКТОРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Справедливости ради нужно отметить, что в годы «правления» Юрия Разоренова наше судейское хозяйство заслужило немалую долю справедливой критики. Хотя, быть может, сам председатель и не в силах был что-либо изменить — многое решалось без его участия. Мы решили предоставить слово Разоренову, хотя редакция далеко не во всем разделяет его точку зрения.

ПО НАИТИЮ

Давно прошли те времена, когда результативные передачи, записанные на счет хоккейных вратарей, вызывали изумление. Подчеркну — изумление у наших хоккейных специалистов и болельщиков. А «предметом» удивления были вратари канадские, ибо о подобных действиях собственных голкиперов слышать не приходилось. Однажды дело дошло почти до абсурда — один из корреспондентов «Советского спорта» вычеркнул из технического отчета о матче фамилию Третьяка как ассистента гола. Вычеркнул, руководствуясь, видимо, изречением «Такого не может быть, потому что такого не может быть никогда».

С той поры прошло немало времени, но ситуация практически не изменилась — канадские вратари в матчах чемпионата НХЛ продолжали набирать очки, наши же лишь выполняли свои первоочередные обязанности.

Почему так происходит? Почему наши голкиперы не слишком уверенно орудут клюшкой? Право же, ответа на эти вопросы никто лучше самих вратарей не даст. Вот и решили мы обратиться к Алексею Червякову («Химик»), Артуру Ирбе («Динамо», Рига) и Александру Пашкову, работающему с вратарями многих сборных страны.

А. ЧЕРВЯКОВ: Возможно, кто-то усомнится в правоте моих слов, но смею утверждать, что ни в детских, ни в командах мастеров работа с вратарями — я имею в виду целенаправленные занятия, — по существу, не ведется. Я уже не говорю о разучивании приемов при игре на выходах, где без должного обучения владению клюшкой не обойтись. Детские тренеры, к примеру, могут рассказать вратарю лишь об основах игры, давая общепринятые советы — «Держи клюшку на льду», «Не падай до броска», «Выкатывайся под бросок» и т.п. В командах же мастеров многие тренеры просто-напросто противятся, когда вратарь начинает действовать вне «рамки»: «Не выходи из ворот. Ну зачем тебе это надо? А вдруг ты неточно отдашь пас?» То есть, короче говоря, в советской вратарской школе такая игра не принята.

Ведь когда вратарь выходит из ворот — вся команда должна тоже действовать. А делать это полевые игроки не приучены. В Канаде — другое дело. Я много раз наблюдал за тем, что, выходя из ворот, вратарь особо не задумывается, куда отдать пас. Он твердо знает, что в определенной точке стоит партнер и смело швыряет шайбу вдоль бор-

та. Этому и голкиперы, и полевые игроки обучаются с детства, так что к более зрелому возрасту этот прием доводится до автоматизма.

Нашим же вратарям приходится до всего доходить самим. Да и пример-то брать почти не с кого. Помню, хорошо играл клюшкой Пашков, иногда пробовал выходить из ворот Сидельников. Я бы не сказал, что сам хорошо играю в поле. В воротах использую клюшку куда чаще. Просто сама жизнь хоккейная заставляет. Маленькому вратарю удобно ловить низко летящие шайбы ловушкой, отвести бросок щитком. Я — вратарь высокий, и для подобных маневров мне требуется много времени. Потому-то и парирую клюшкой. И много работаю над этим на тренировках.

Не могу не сказать о том, что порой просто... боязно ворота покидать. Захочешь у лицевого борта шайбу перехватить, а она в выбоину ударится и... Так, кстати, я пропустил гол в Риге, когда шайба неожиданно отскочила на пяточок. Так что, как видите, проблемы куда более прозаические возникают — как бортик ровный сделать, лед как следует залить... Ну а если честно, то и самому не всегда хватает времени и желания на тренировках приемы отработать.

А. ИРБЕ: Меня часто спрашивают журналисты: «Кто научил тебя так хорошо играть клюшкой?» И каждый раз мне приходится отвечать, что вообще-то игре клюшкой меня никто и не учил. Помню лишь, что, когда стал привлекаться к тренировкам команды мастеров рижского «Динамо», Михаил Василенок посоветовал: «Играй так, как тебе нравится». Я тогда в молодежной команде уже часто выходил из ворот, благо что ребята не осуждали. Интересно это было, все время в игре участие принимать, а не в воротах «сидеть». Тренеры на мой «авантюризм» смотрели сквозь пальцы, особо не препятствуя. С этого все и началось. Уже играя в «Латвияс Берзс», я тренировал некоторые приемы. К примеру, просил кого-либо из игроков пускать шайбу по лицевому борту. Выходил из ворот, останавливал ее, пас отдавал. И в рижском «Динамо» продолжал вести свою линию. Спасибо тренерам, не осуждали меня. Даже когда, замешкавшись, пропустил гол от Хомутова — готовился дать пас, а он подтолкнул шайбу в сетку, — то «разноса» не последовало. Лишь посоветовали играть попроще, выбрасывать шайбу, когда некому отдать пас. Но запрещать ничего не стали.

Считаю, что мне повезло — в других командах многие вратари не желают

рисковать, зная, что тренеры категорически против подобных действий на выходах.

А не так давно я узнал, что вратарь «Филадельфии» Рон Хекстолл... забросил две шайбы. Узнал и... захотелось самому попробовать. Иногда такие мысли приходят во время игры, когда соперник снимает вратаря. Но пока удобного случая не представилось. Правда, один голевой пас у меня на счету уже есть. Я остановил шайбу за воротами, дал пас на синюю линию защитнику, а он в одно касание вывел партнера на голевую позицию. Было приятно, когда диктор объявил мою фамилию. А недавно подобное удалось и в решающем матче мирового чемпионата, со сборной Чехословакии. Причем этот гол был первым. А быть может, и вратарский пас стал первым в истории чемпионатов мира?

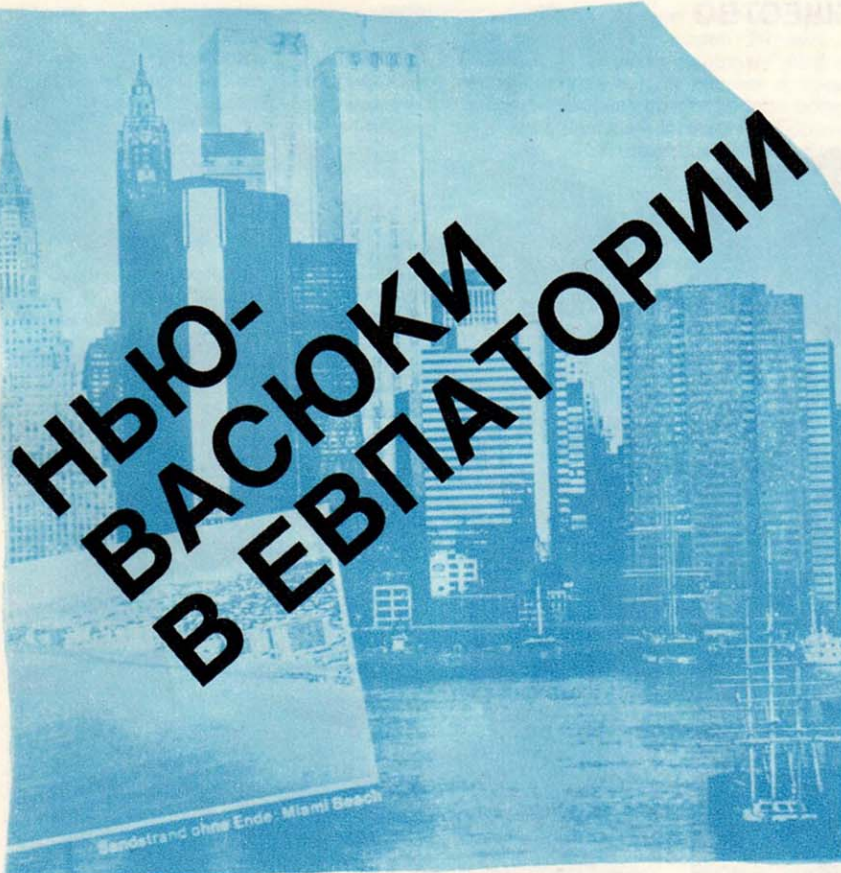
А. ПАШКОВ: Я рано понял, что вратарь должен не только «стоять», но и играть. Раз уж он ведет единоборство с полевыми игроками, то должен владеть теми же приемами. Никто меня этому специально не учил, но замечания тренеров наталкивали: «Ты должен был перехватить, отбросить...» И действительно, очень бывает важно перехватить пас, после которого может последовать голевой бросок.

Сейчас я занимаюсь на сборах с вратарями высшей лиги, молодыми голкиперами. Беда в том, что у нас в командах практически не ведется работа с вратарями. И даже не планируется. Хотя с полевыми игроками все предусматривается буквально от «А» до «Я». А вратарей и готовить-то некому, то есть некому заниматься только с голкиперами. А ведь упражнения для овладения техникой игры клюшкой множество — передачи, перехват, единоборство.

Существуют и специальные фильмы. Текст одного из них, канадского, удалось перевести на русский язык, и я стараюсь показывать его ребятам. И, поверьте, польза от просмотра велика. Надеюсь, что если удастся побывать в Канаде, то смогу купить еще несколько фильмов. Пробовал снимать учебный фильм у нас, но ничего путного не получилось. Организационные проблемы так и не удалось решить... Думаю, надо заниматься этим самому — с видеокamerой. Пожалуй, это единственный путь.

Может, когда-нибудь и наши вратари научатся как следует играть клюшкой. Хотя, честно говоря, не думаю, что это произойдет скоро.

Записал Игорь КУПРИН

«Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории». Эти поэтические строки Владимира Маяковского давно стали крылатыми словами. Известный целебный курорт...

В спортивном мире Евпатория примерно с конца 60-х годов начала приобретать все большую популярность как неспешно, но неуклонно идущий в гору городошный центр. А началось все раньше, когда демобилизованный из армии футболист, иркутянин Абрам Борисович Файнгольд, волею судеб став жителем черноморского города, с горечью понял, что со спортом ему придется расстаться. Мужское население из городка уезжало, так как не находило работы в здравницах и сфере услуг, прочно занятой женским персоналом. А подростки с ранней весны до поздней осени проводили время на пляжах и упорно состязались в том, кто чернее загорит. И здесь, однако, приоритет был на стороне женщин — умело пользовались косметикой.

Единственным местом, где всегда можно было застать сплоченное мужское общество, была площадка с ларьками у пивного завода. Вот здесь можно было отвести душу, вступив в оживленные дебаты по любому вопросу, среди которых спорт был, пожалуй, одним из популярнейших.

Файнгольд это учел. Прямо на асфальте расчертил городошные концы и... пожалуйста — на кружку пива!

Странное начало? Но спортивное соперничество сплошь и рядом возникает само по себе в самых неожиданных формах. Надо уметь уловить его, поддержать, направить. Умный, дальновзоркий мужик был Файнгольд. Тут же затеял возню с ребятей, которую любители пива к конам близко не подпускали (сами яростно городили за каждую пеннистую кружку), и увел мальчишек в приморский парк.

Наш журнал рассказывал об этом в одном из своих номеров, сделав акцент на том, к чему это привело. Из мальчишек выросли хорошие городошники. Некоторые, по примеру своего наставника, стали мастерами спорта, пошли дальше — играли в сборных командах республики, всесоюзных обществ.

Стадиончик был небольшим — с четырьмя игровыми площадками и трибуной с одной стороны. Но год за годом умелые, рачительные хозяева ухитрились что-нибудь да втиснуть в так называемое подтрибунное пространство: комнату отдыха для приезжих, сауну, мастерскую... Стадион «Спартак» стал притягательным центром и для представителей других видов спорта. Особенно часто здесь бывали саночники. А уж о зрителях и говорить не приходится — внешне простая, хорошо знакомая всем игла привлекала отдыхающих от мала до велика. Во время чемпионатов страны здесь всегда можно было встретить чету Харламовых — родителей

знаменитого хоккеиста, приезжавших на курорт с внуком.

Интересно было всем. Народная игра все больше совмещала в себе и спортивное соперничество мастеров биты, и оздоровительную работу среди населения. Из мальчишек, которых привел Файнгольд в парк, выросли тренеры, врачи. Здесь была открыта первая в стране детская спортивная школа городошников. Стадион «Спартак» стал местом постоянных семинаров специалистов со всех концов страны — от Молодечно в Западной Белоруссии, где по примеру евпаторийцев принялись за работу с детьми, до Магадана. Работа на семинарах шла по двум направлениям: сугубо технико-спортивному и медицинскому. И вскоре работу в школе, а затем и во всем комплексе возглавил мастер спорта, врач-педиатр Станислав Иванович Рудич.

Так было. А дальше... дорогой читатель, возьмите «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, перечитайте странички о Нью-Васюках. Мне, сами понимаете, лучше не написать, зато вы получите полное представление о том, в подобие чего решили превратить евпаторийский стадион «Спартак». Только «шахматы» поменяйте на «городки».

Как размахнулись в планах — голова кругом идет! Выделить 4 миллиона рублей на расширение и реконструкцию стадиона! Их пока нет. Наметили провести реконструкцию за 4 года. Прошло уже около двух лет — работать пока некому. Правда, облицевали белоснежным мрамором стены трибуны, установили на них вместо скамей удобные кресла. Но кому на них сидеть и зачем, если на игровом корте концы содраны, поле перерыто, команды нет, сильные городошники разбегаются в поисках счастья, детская школа «временно» закрыта? Иными словами: что будет — одному богу известно. А вот то, что ничего не стало, — это каждому видно.

Встретился с директором комплекса Станиславом Рудичем. По старой дружбе вместо «здрасьте» бухнул ему прямо с порога:

— Бить вас за такую работу надо!

— Надо, — согласился он. — И больше. Только некому.

— То есть как это?

— А так, — Станислав Иванович очертил рукой круг в воздухе. — Все предлагают, все рекомендуют, советуют — но конкретно... Все и никто. Вообще-то намечено преобразить, благоустроить курортный парк. В этом грандиозном проекте отведено место и городкам. На самом, так сказать, высочайшем уровне. Но кто за что отвечает, кто будет делать — понять невозможно. У спортивных организаций нет ни средств, ни рабочей силы. У города — свои проблемы. По 15—20 лет санатории строят — до городошного ли стадиона...

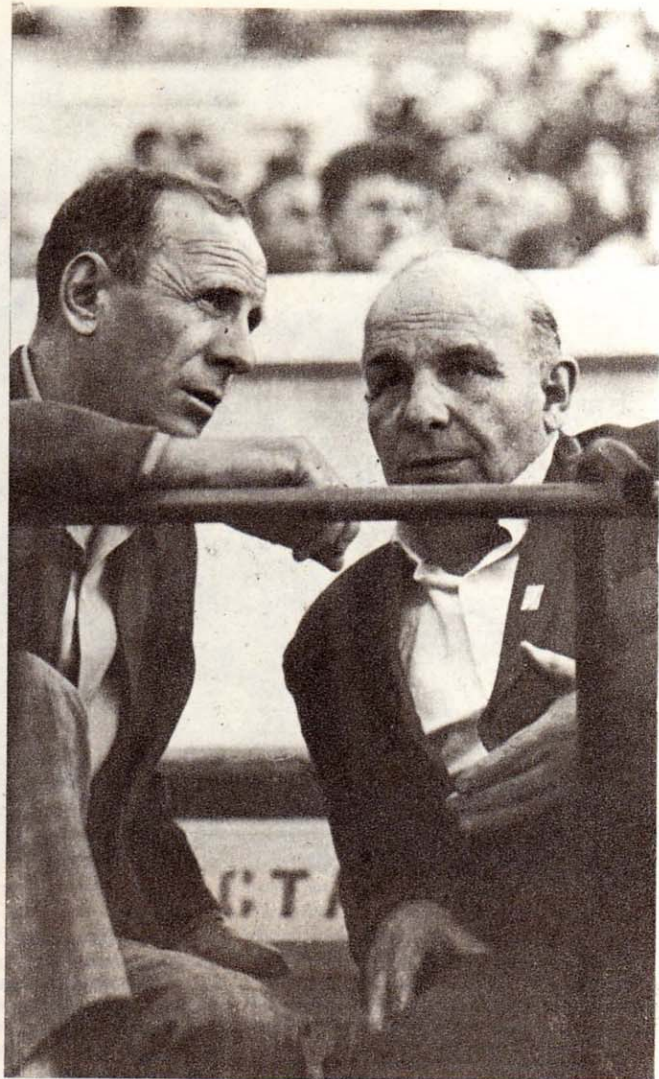
— Зачем же старый-то было ломать?

Этот вопрос я задаю уже себе. Может быть, он заинтересует и вас?

Владимир ПАШИНИН

СКИПЕТР И ДУБИНКА

ЛЕВ ФИЛАТОВ

Не раз и не два писал о мастерах и тренерах. Однажды мелькнуло: а почему остаются в стороне мои товарищи по профессии, неужто ни у кого из них нет заслуг перед футболом? Долго тянул, перебирая, что смущало, — и не принято, и не скромно, и за выбор обязательно упрекнул, нет ведь среди нас, пишущих, таких, чтобы всех устраивали. И вот решено...

Бывают события, в которых естественно и счастливо совпадают необходимость и своевременность. Тогда кажется, что иначе и быть не могло, что все свершилось само собой. Именно таким событием я вижу выход в свет в конце мая 1960 года еженедельника «Футбол». С этим изданием я связан с самого начала и считаю себя обязанным коснуться его истории, тем более что она не без «белых пятен».

Первый редактор «Футбола» Мартын Иванович Мержанов, будучи пенсионером, написал очерк под названием «Как создавался «Футбол» для сборника «Журналисты рассказывают», который вышел в издательстве «Совет-

ская Россия» в 1974 году. Мержанова уже не было в живых, когда книга появилась. Он успел вычитать гранки и жаловался мне, что попал в ужасную неловкость: в издательстве бдительно убрали упоминание о человеке, от которого фактически все зависело, и теперь он, автор очерка, будет выглядеть и неблагодарным и конъюнктурщиком.

В 1960 году, пусть существовали ходатайства Н. Романова, тогдашнего спортивного министра, и В. Гранаткина, председателя федерации футбола, решение об открытии нового издания, с точки зрения правоверных идеологов легкомысленного, не могло состояться без кого-то чрезвычайно влиятельного со Старой площади. Им оказался секретарь ЦК КПСС по пропаганде Леонид Федорович Ильичев. Старый футбольный болельщик, он в юные годы вместе с Мержановым поигрывал в одной команде в Краснодаре.

Ильичева мне доводилось не раз слушать на совещаниях редакторов. Его речи строились так: прежде всего он отмечал достоинства «Правды» по всем

разделам, вплоть до спортивного, придавая им эталонный блеск, а потом, как бы спускаясь с сияющей вершины и страдая от этого, отпускал с досады все более крепнущие саркастические замечания по поводу остальных изданий, согласно их субординации. Человек остроумный, он перехватывал в желчности, зная, что никто не осмелится возразить.

Как бы то ни было, а рождению «Футбола» он поспешествовал. Хотя, если судить по тому, что штатные должности позаимствовали у «Советского спорта», а гонорар определили по скромнейшему минимуму, не исключая, что свое покровительство Ильичев оказывал, желая остаться в тени, чтобы не нарваться на упрек от еще более высоких чинов. Понятия «читабельность», «интерес» в те годы как бы и не существовали, Ильичев с нашим «футбольчиком», несомненно, позволил себе известную вольность.

Расшифровав это «белое пятно» и выполнив завещание Мержанова, могу с

легкой душой продолжать повествование.

«Футбол» появился как нельзя более вовремя. Сборная команда СССР (по ней все сверялось) недавно выиграла олимпийский турнир в Мельбурне (1956), только что дебютировала в чемпионате мира в Швеции (1958), включилась в розыгрыш Кубка Европы и собиралась на заключительные игры во Францию.

Однако надо сознаться, осведомленность о жизни большого футбола в нашем обществе была на уровне слухов, рассказней, сказок. Я разительно это почувствовал на себе, побывав на Шведском чемпионате мира, где решительно все оказалось мне в диковинку и прихваченное с собой самомнение часто и легко печатающегося дома советского обозревателя лопнуло как мыльный пузырь. Обольщались и путали все, во главе с тренером сборной, председателем федерации и главной судейской коллегии. Я намеренно выделил наиболее высокопоставленных футбольных лиц. В беседах со мной, корреспондентом, уже на базе в Хиндосе, перед открытием чемпионата, они порознь рисовали одну и ту же картину: коль скоро наша команда — олимпийский чемпион, обыгрывала в товарищеских матчах чемпиона мира — команду ФРГ и команду Венгрии — второго призера, со сборной Англии на днях в Лужниках сыграла 1:1, а бразильский известный клуб «Васко де Гама» был побежден и «Спартак» и динамовцами Москвы и Киева, то, собравшись с духом, поднажившись, наши вполне способны завладеть «Золотой богиней», а если бы не случилось несчастья и не были дисквалифицированы Стрельцов, Татушин и Огоньков, то и вовсе все шансы были бы у нас. Нисколько не боюсь подвести своих собеседников Г. Качалина, В. Гранаткина и Н. Латышева, то был не просчет, не переоценка, не самодовольство, а прямо-таки детское неведение, упрекнуть за которое невозможно.

И вдруг я услышал после первого дня чемпионата круто противоположное мнение от Константина Бескова, тренера-наблюдателя. Все наши сидели на матче СССР—Англия, а он побывал на другом в той же подгруппе — Бразилия—Австрия. После ужина, когда мы с ним остались вдвоем в гостиничном номере, Бесков выговорил хрипло и секретно: «Чемпионами будут бразильцы». — «Как так?» — я готов был принять это за шутку. «Лучше, чем они, играть нельзя». И Бесков замолчал, отказавшись от объяснений. Я понял, что мне следует об этом его признании помалкивать, чтобы его не подвести. Тренеру-наблюдателю, обязанному помочь своей команде выиграть чемпионат, признаться в таком выводе было равнозначно диверсии. Лишь после того, как наша команда улетела домой, мы с ним во время финала Бразилия — Швеция ответили душу, вовсю болели за бразильцев, точнее, за бразильскую игру. Для меня это был форменный переворот, менялись все ранее приписанные представления.

«Футболу» крупно повезло. Выпустив свой первый номер 29 мая, в восьмом, от 17 июля, редакция дала на первой полосе сверху аншлаг красным цветом: «Замечательная победа советских футболистов». И ниже — «Сборная команда СССР выиграла Кубок Европы».

А в номере от 23 октября — на обложке портрет тогда еще не слишком именитого тренера Виктора Маслова, на центральном развороте снимок московского «Торпедо» — новенького чемпиона страны. Суть в том, что «Торпедо» в том сезоне обернулось командой на загляденье, легкой, изящной, а кроме того, торпедовцы разрушили давнюю монополию трех столичных китов — «Динамо», «Спартак» и ЦСКА — на чемпионство.

Так что «Футбол» волею событий начал на мажорной ноте, его немедленно заметила и признала читательская аудитория.

Повезло, как я считаю, еженедельнику и с редактором. Впрочем, как и редактору с еженедельником.

Мартын Иванович пришел к нам в «Советский спорт» на улицу Архипова шестидесятилетним. Грузный, он ходил опираясь на палочку. Что за человек?

Приведу слова самого Мержанова из его очерка «Как создавался «Футбол».

«Мысль о создании футбольной газеты или журнала родилась у меня, как говорят, в незапамятные времена. Еще учась в школе, я «издавал» рукописный журнал «Футбольные новости», в котором аккуратно описывал все матчи дворовых команд заштатного города Славянска (сейчас в этом городе есть улица Журналиста Мержанова. — Л.Ф.).

Позже, когда я работал в ростовской газете «Советский юг», мне удалось уговорить редактора издавать ежемесячное приложение «К спорту» — орган Северо-Кавказского футбольного союза. Это был интересный журнал, в котором печатались известные в то время в Ростове-на-Дону журналисты и писатели.

Наконец, в начале двадцатых годов в Краснодаре под моей редакцией выходила еженедельная газета, вся заполненная моими отчетами о матчах городского чемпионата. Это был листок обыкновенной писчей бумаги. Гонорара, разумеется, не было, а 5 рублей в месяц на бумагу и полиграфические расходы давал добрейший начальник Всевобуца Бессаратов. Иной раз он бурчал: «Больно расхваливаешь «Унион», в котором сам играешь». Это был печатный орган, в котором редактор, секретарь, литсотрудник, корректор и курьер объединялись в одном лице.

Тяга к редактированию появилась у меня от желания высказать свои мысли о развитии футбола тех лет, о которых я знал только по статьям Г. Дюперрона, С. Павлова, Б. Чеснокова, А. Макдональда и других в журналах «Русский спорт», «К спорту». Тут же пытался вступать в спор со своими заочными оппонентами, но они попросту не отвечали на мои

письма. Это не останавливало меня. Я продолжал посылать в Москву гневные письма (крайне характерное признание. — Л.Ф.).

Спустя почти сорок лет юношеские мечты становились реальностью».

Нет, одной, пусть и трогательной, предопределенностью с детских лет не обойдешься. Мержанов пришел из «Огонька», где заведовал отделом спорта. Работа не пыльная, без особых волнений, но и не видная, редко кто за спортом следил по «Огоньку». Истинно журналистская душа не могла не соблазниться открывшейся возможностью, не сравнимой с огоньковской тихой заводью.

Тут возникает вопрос: откуда хромота и палочка? Правда, владельца палочки об этом не спрашивали, и не только по правилам такта, а более всего по той причине, что он сразу в новых стенах проявил такую эрзю, такую властность, такое громогласие, что палочка в его руке стала казаться не то скипетром, не то дубинкой. Но все же?

В мае сорок пятого, незадолго до Победы, в Берлине недалеко от машины, в которой ехал специальный фронтальной корреспондент «Правды» Мержанов, разорвался снаряд. Люди и машина остались целы, а нога у Мержанова после этого начала болеть. Он не обратил внимания, тем более что впереди было такое событие, как подписание капитуляции немцами. И после, вернувшись в Москву, Мержанов долго пренебрегал болями. Последствия контузии оказались гораздо серьезнее, чем можно было предположить. После лечения задетая нога сделалась короче другой.

Неминуем, пожалуй, еще вопрос: какими судьбами правдист, фронтальной журналист оказался в «Огоньке» при спортивной рубрике? В период борьбы с так называемыми космополитами Мержанов был «уличен» в дружеских отношениях с несколькими правдистами-евреями. Кого-то уволили, но коль скоро против Мержанова улики во «вредной деятельности» не было, да и быть не могло, от греха подальше, чтобы соблюсти чистоту рядов «Правды», его перевели в «Огонек» на почетную должность заведующего отделом очерков. Борьба с космополитами продолжалась и в «Огоньке». Мержанову вспомнили его правдинские «прегрешения», да и на новой работе у него завелись подозрительные знакомства. Даже раздался голос на одном из собраний, что следовало бы проверить, армян ли он, как утверждает. Уволить его не уволили, но в должности понизили, «согласно» на спортивную тему.

Все эти обстоятельства мне стали известны позже, со слов дочери Мержанова, Ольги Мартыновны. Сам он о них не распространялся, с головой ушел в свой «Футбол».

Мержанов был переполнен сэкономленными не по его вине силами, долго пропадавшими втуне, душа его рвалась к боевой работе, он чувствовал себя молодым, и какое там пенсионный воз-

раст и палочка! Да и годы тогда стояли шестидесятые, оттепелные, были надежды на вольную работу.

Тут следует заметить, что футбольная тема в журналистике была на особом положении, уж, во всяком случае, ее не сравнить было с международной, сельскохозяйственной или военной. В этой теме было позволено значительно больше, чем в любой другой. И я думаю, не потому, что вверху ее относили к разряду второстепенных и безобидных (таких тем, по-моему, вообще у нас никогда не было, при каждой состояли старательные чиновники разных ведомств), но главным образом в силу того, что почитали о «футбольчике» любили многие из тех, кто имел право цыкнуть и запретить. Они не цыкали и не запрещали, понимая, что в таком случае лишатся тешащего их душу чтения. А что надзор за спортивными страницами был неотрывным, мы судили по телефонным звонкам: из известных нам кабинетов они раздавались в случае какого-либо нашего недогляда минут через пятнадцать после начала там рабочего дня, из чего можно было легко заключить, что просмотр прессы начинался с «Советского спорта» и «Футбола». Кое-что позволяя, тем не менее следили, чтобы мы не нарушили общего благообразия, ибо спортивная тема, видимо, в силу своей доступности и занимательности числилась, негласно разумеется, в разделе «отвлекающей пропаганды».

Нас держали, вызывали по разным адресам, внушали, предупреждали, когда «ограничивались» устным предостережением, а когда и «заносили» письменные выговоры. Мне, признаться, более всего досаждали не замечания, не нападки, пусть даже грубые и незаслуженные. Опасался я поручений, когда, преисполненный зудом инициативы, либо нечаянной, либо подхваченной в еще более просторном кабинете, «начальник» пускался в рассуждения, что и как надо писать и печатать. Уровень был, как правило, дилетантский, оставалось изобразить забывчивость.

Мержанов при всей своей воинственности и кипучести южанина умел соблюдать пиетет к указаниям свыше. Не скажу, что это была природная слабинка, врожденное искривление. Когда мне приходилось упрекать его в чересчур буквальном исполнении вздорных, необъяснимых указаний, он, если сидел за столом, вздыхал нарочито шумно, снимал очки, бросал их скользить по стеклу и изрекал свою любимую присказку: «В ефтих условиях...» Свою раздвоенность он не скрывал от тех, кому доверял, а на остальных, если видел смешинку в глазах, накидывался так, что те пугались и не рисковали больше с ним связываться.

Все мы меченные временем, всем приходилось платить, хотя и разную долю. Мартын Иванович был человек крупный, выпуклый, громкий, уязвимый, под перекрестным обстрелом, ему доставалось и справа, от надсматривавших официально, и слева, от коллег,

товарищей, ловивших на сделках с совестью, компромиссах. Но он, как признавался мне наедине, изображал повиновение и послушание из желания защитить, уберечь дорогого его сердцу журнал, создание которого он полагал главным делом своей жизни. И в какой-то мере он своего добился: начальство, польщенное и успокоенное его почтительностью, реже придиралось к новому изданию.

Иногда мне думалось, что Мержанов привязан к футбольной теме потому, что она постоянно имеет дело с двумя противоборствующими сторонами и пишущий обязан отдавать свой голос одной из них и уметь постоять за свой выбор. Он всегда был за кого-то и против кого-то. Если во время матча Мержанов устанавливал, что обе команды играют бездарно, он демонстративно отворачивался от поля и начинал доказывать соседям, что ничего иного и ждать было нельзя, ибо оба тренера трусоваты, в футболе не разбираются, и, как высшую меру оценки их невежества, произносил: «Они же — шышнадцать!» Так что и тут он отыскивал себе противника. Это в нем сидело.

Как легко догадаться, Мержанов-редактор превратил еженедельник в поле битвы, в полемическую трибуну.

Для затравки было затеяно обсуждение статьи тренера из Тбилиси А. Гальперина под названием «В чем красота футбола». Наверное, каждый имеет, что заявить на своей счет. И пожелайта: драматург Исидор Шток — «О поэзии и вдохновении», другой драматург, Леонид Малюгин — «Уважайте болельщиков», тренер Борис Аркадьев — «О вкусах спорят» и еще один драматург, Алексей Арбузов — «Заметки любителя». Что один за другим отозвались три драматурга — не совпадение, кому, как не им, созвучен футбол с его драмами и интригами.

Следом — дискуссия сугубо специальная, о персональной и зонной защите. Завел ее тренер «Торпедо» В. Маслов, извечный противник «персоналки», статьей «Футбол без тени». Осторожный М. Якушин ответил статьей «За разумно-персональную опеку», Н. Пальска, считавшийся у нас, когда играл, самым искусным «персональчиком», отстаивал свое — «Тень на ясный день», полемизируя с Масловым, тренер Б. Цирик, склонный к теоретизированию, написал исследование «Зона и опека», В. Трофимов, в прошлом нападающий, правый край, как ни странно, оказался за «персоналку» — «Надежное оружие», а другой бывший правый край, Н. Старостин, против — «Отживающая система».

За четыре года до того, как после долгого, скрипучего раскачивания было принято решение об участии наших клубов в розыгрыше европейского Кубка, пронизательный, дальновидный журналист Александр Перель опубликовал в «Футболе» резкую статью — «Давайте разберемся». Он писал: «Если мы и дальше будем уклоняться от участия в

международных турнирах, то сама жизнь выключит нас из общения с лучшими клубами Европы. Только в официальных турнирах можно определить силу команды, ее мастерство, ее класс».

Так сразу сложилось направление еженедельника.

Другим попечением Мержанова-редактора было собрать авторитетов, «имена», чтобы издание звучало. С первых же номеров среди авторов весь генералитет — Б. Пайчадзе, М. Бутусов, Б. Аркадьев, К. Бесков, М. Якушин, три брата Старостины — Николай, Александр, Андрей, В. Мошкарин, А. Дангулов, В. Гранаткин, Г. Качалин, В. Бобров, В. Маслов, В. Дубинин, С. Сальников, А. Парамонов, Н. Латышев, А. Идковский, А. Акимов, Н. Симонян, писатели — Юрий Трифонов, Борис Полевой, фельетонисты — С. Нариньяни, Ю. Золотарев, Ц. Солодарь, В. Новосольцев, художники Кукрыниксы, кинорежиссер Марк Донской, журналисты — А. Вит, А. Галинский, И. Бару, В. Мдивани, А. Кикнадзе, А. Леонтьев, Ю. Ваньят, В. Блюменфельд.

Мержанову было чуждо выпячивать свою роль, наоборот, на каждом шагу он твердил, что «Футбол» — для всех, кто заинтересован в благополучии игры. Благодаря этому люди, работающие на поприще футбола, легко приняли еженедельник как свой. В. Маслов постынно говаривал: «Наш журнальчик». А редакция на улице Архипова, 8 стала местом паломничества.

Мержанов нежно, даже сентиментально, впадая в восторженность, любил футбол красивый, изящный, техничный. Среди наших мастеров его избранныками были Федотов, Пайчадзе, Нетто, Сальников, Маркаров, Воронин, Симонян, Мехси. Он мог любоваться их фотографиями, а если кто-то заставлял его за этим занятием, тут же заявлял: «У вас, разумеется, другие герои, вам подавай бегунов, костоломов, силачей», хотя подошедший не проронил ни слова. Это не было вздорным ворчанием, Мержанов слишком хорошо знал хрупкость футбольной красоты, как нелегко ее сберечь, сколько у нее противников. Он враждовал с теми, кто превозносил оборону, забывая сказать доброе слово об атаке. Футбол он мерил по форвардам.

Работавшие рядом с Мержановым нередко расходились с ним в оценках, не принимали его крайностей. Одно время Мержанов сидел в комнате вдвоем с Александром Яковлевичем Виттенбергом, известным по псевдониму — А. Вит, и все, что проходил мимо их двери, изумлялись: «Когда же они работают?» С утра до вечера оттуда раздавались крики: «Ты — жалкий оборонец!» и «А ты — демагог и авантюрист!» Это не мешало Мержанову и Виту, людям интеллигентным, отдавать должное друг другу, без этих схваток им, по-моему, было бы пусто.

Были и в прежние времена журналисты, писавшие о футболе со знанием дела, твердо и самостоятельно (М. Ромм, А. Перель, И. Бару, В. Фролов, Н.

Киселев), но они существовали как бы сами по себе. Мержанов, коль скоро он оказался во главе специального журнала, замыслил создать школу, подразделение боевой, атакующей журналистики и сам ее возглавлял, атаковал. Каким он хотел видеть футбол — активным, техничным, наступательным, такую он мыслил себе и журналистику. Добиться этого было не так просто, как может показаться, к соблазнительной футбольной теме льнут самые разные люди, среди них достаточно и таких, которые готовы «входить в положение», особенно если затронуты команды, тренеры, игроки, им близкие, или таких, которым «до лампочки» проблемы, лишь бы пописать, никого не задевая, безбедно, с удобствами.

Мержанов сражался все шесть лет, что был редактором «Футбола». И был влюблен в свое детище. Как-то, листая свежий номер, он произнес: «Сколько тут всего, а? И за какой-то пятачок. Раньше болельщику и не снилось такое чтение».

«Футбол» начал с экспериментального, для выяснения рыночного спроса, стотысячного тиража, который начал стремительно расти с благословения «Союзпечати». Был период, когда тираж подскочил, если память мне не изменяет, до трех миллионов. И читатели были довольны, и прибыль выросла. Вдруг нас поставили в известность, что тираж ему назначен постоянный, миллион двести тысяч. Кто назначил, почему пренебрегли интересами людей, да и финансовыми выгодами, — осталось неизвестно. Если в Москве «Футбол» продавали свободно, то в других городах им стали спекулировать, а райцентры и села и вовсе его лишили.

Через какое-то время мне рассказали, как было с тиражом. Перед М.А. Суловым, в ведении которого находилась вся печать, положили сводку тиражей газет и журналов. «Футбол» там оказался выше некоторых органов, считавшихся «главнее». Его название обвели красным карандашом, к овалу присоединили стрелку, указываемую место пониже. Знай сверчок свой шесток. Это называлось тогда тиражной политикой.

Мержанова побаивались. Тренеры, которых он уличал в невежестве, футболисты — пьяницы и грубияны, шельмовавшие судьи, скалтурившие журналисты. Он никогда не прощал таких людей и постоянно вспоминал об их прегрешениях. Не боялся преувеличить: среди многих его любимых выражений было и такое: «Наш футбол стоит по колено в водке».

Бывал Мержанов крут и с теми, кого ценил и любил. Был он мастер взвинтить разговор до высоких нот, и казалось — ну все, отные прежние добрые отношения невозможны. Но он умел вовремя отпустить перетянутую струну, обернуться шутником, обаятельным рассказчиком. Поразительно, сколько он в футболе находил поводов для крупных разговоров, пререканий, высмеиваний, разоблачений. И хоть был он безжалостен, ворчлив, выкалывал

без церемоний в глаза все, что думал, не забывая, каково будет собеседнику, к нему тянулись, вокруг него всегда были люди, чувствовавшие, что, как бы ни сгущал Мержанов краски, как бы ни перегибал палку, сердце его принадлежит футболу и ему он желает добра.

И много лет спустя, уже пожилыми, вспоминая со мной Мартына Ивановича, и Михаил Якушин, и Никита Симонян рассказывали, как им, известным тренерам, доставалось от него, как он их отчитывал за «неправильную», с его точки зрения, игру их команды. Рассказывали оба без обиды, с доброй улыбкой.

Крайняя точка зрения заражена опасностью ошибки. После чемпионата мира 1958 года Мержанов стал ярым пропагандистом системы 4-2-4 и много сделал с помощью своего «Футбола», чтобы растолковать и внедрить эту систему. Это было необходимо, ибо тренерам свойственно желание повременить с нововведениями, из-за которых можно недосчитаться очков, а то и потерять место. Но когда народились следующие тактические варианты 4-3-3 и 4-4-2, они по той причине, что число форвардов уменьшилось, показались Мержанову ущербными, «трусливыми», и он пытался с ними бороться. Конечно, успеха не имел. Но его донкихотство не могло не вызвать уважения.

Он был безраздельно, безоговорочно предан футболу атакующему и потому был сторонником бразильцев, был предан футболу, взращенному на виртуозной технике, и потому дважды был сторонником бразильцев, был предан футболу, радующему глаз, восхищающему, и поэтому трижды был сторонником бразильцев. Английский футбол он считал антиподом бразильского и недолюбливал его, называл прямолинейным, простоватым и ни на какие «мостики» не соглашался. Одно можно сказать: для того, чтобы занимать непоколебимые позиции и последовательно и непримиримо их отстаивать на протяжении многих лет, надо быть и знатоком дела, ибо иначе не хватит аргументов, и цельной личностью. И знатоком и личностью Мержанов был.

Мартын Иванович видел во мне единомышленника в футбольных вопросах и заявил об этом публично в своем очерке «Как создавался «Футбол». Я обязан досказать, что наше с ним нормальное общение состояло из споров. Мы вели их часами и сидя друг против друга в редакции, и по телефону (домашние, видя меня второй час с трубкой, иронически усмехались: «Известное дело, с Мартыном Ивановичем о футболе говорит, это никогда не кончится...»). Мне были милы эти споры, порой кончавшиеся размолвками, даже разрывами дипломатических отношений, но вспыхивающие сразу же вновь, едва отношения восстанавливались. Такой товарищ, такой соратник дороже десятка безропотно соглашающихся. Единомышленником же Мержанов, надеюсь, считал меня за равное стремление лучше понять игру и быть ей полезным.

В конце 1966 года, после окончания чемпионата мира, стало известно, что Мержанов уходит. В Англии, хотя мы с ним подолгу находились вдвоем, он о своем намерении не объявлял, думаю, потому, что не считал возможным отвлекаться от работы спецкора.

— С меня довольно, — сказал он мне с глазу на глаз. — Шестьдесят шесть. Уже неловко общаться с юнцами. Кто я для них? Старый человек, да еще прихрамывающий, с палкой... Теперь ваша очередь.

— Вы за меня уже решили?

— Какой может быть разговор? По крайней мере я уверен, что вы «Футбол» не пропете...

За шуткой скрывались грусть и тревога.

— Да и, по правде говоря, не вижу, что еще можно затеять, все писано-переписано... А я обязан написать книгу о своих военных впечатлениях, да и о футболе тоже. (Мержанов осуществил свои намерения, выпустил книги «Так это было» и «Еще раз о футболе»).

Состоялись торжественные проводы в Доме журналиста, сотрудники редакции отпечатали специальный номер с портретом Мартына Ивановича на обложке и аншлагом «Команда «Футбола» — своему капитану, основоположнику Мартыну Ивановичу Мержанову».

Футбольному журналу в 1990 году исполнилось 30 лет. А я имею в виду первые шесть, мержановские. Ничего нельзя было поделаться с полиграфической бедностью, журнал не смотрелся, страничек было явно маловато, авторам платили прижимисто. А не пропал, не затерялся, и в киосках за ним стояли очереди и подписку годовую добывали по большому знакомству. Однажды, помню, Евгений Евтушенко на стадионе на ходу бросил: «Лучшим московским изданием заправяете!»

Как было задумано, так и пошло. Сейчас это, может быть, и не прозвучит, много открылось разного чтения, в том числе и футбольного, а тогда к «Футболу» припали как к роднику, что ни статья — что-нибудь новенькое, нахватывались болельщики каждую неделю по воскресеньям, впитывали, усваивали посреди информационной пустыни. Я уверенно это говорю, потому что и нам, выпускавшим журнал, многое из того, что сочинялось, переводилось, было открытием, мы радовались готовившемуся номеру, предвкушая, что вслед за нами радостно удивятся и читатели.

Ну и кроме сведений еще и политика, наша, футбольная политика: облик современной игры, острота дискуссий, участие всех заинтересованных лиц, война с тем, что искажает, уродует, умерщвляет дорогое миллионам людей зрелище.

Футбольной образованностью не одно поколение в значительной мере обязаны скромному, тощенькому «футболщику». Тому, который начал, открыл и редактировал шесть лет Мартын Иванович Мержанов. Поистине чемпионская заслуга перед нашим футбольным движением!

Ликует форвард на бегу,
Теперь ему какое дело!
Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело.
Как плащ, летит его душа,
Ключица стучается звонко
О перехват его плаща.
Танцует в ухе перепонка,
Танцует в горле виноград,
И шар переплетает ряд.
Его хватают наугад,
Его отравой поят,
Но башмаков железный яд
Ему страшнее во сто крат.
Назад!

Свалились в кучу беки,
Опущенные от сквозняка,
Но к ним через моря и реки,
Просторы, площади, снега,
Расправив пышные доспехи
И накрываясь в меридиан,
Несется шар.

В душе у форварда пожар,
Гремят, как сталь, его колена,
Но уж из горла бьет фонтан,
Он падает, кричит: «Измена!»
А шар вертится между стен,
Дымится, лurchится, хочочет,
Глазок сожмет: «Спокойной ночи!»
Глазок откроет: «Добрый день!»
И форварда замучить хочет.

Четыре года пали в ряд,
Над ними трубы не гремят,
Их сосчитал и тряпкой вытер
Меланхолический голкипер
И крикнул ночь. Приходит ночь.
Бренча алмазно заслонкой,
Она вставляет черный ключ
В атмосферическую лунку.
Открылся госпиталь. Увы,
Здесь форвард спит без головы.

Над ним два медные копыя
Упрямый шар веревкой вяжут,
С плиты загробная вода
Стекает в ямки вырезные,
И сохнет в горле виноград
Спи, форвард, задом наперед!

Спи, бедный форвард
Над землею
Заря упала, глубока,
Танцует девочка с зарею
У голубого ручейка.
Все так же вянут на покое
В лиловом домике обои,
Стареет мама с каждым днем...
Спи, бедный форвард!
Мы живем.

1926 г.

«А ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО ЧТО ЕСТЬ
КРАСОТА...»

«Ликует форвард на бегу...» Пожалуй, многим любителям спорта, тем более футбола, эти слова покажутся знакомыми — и не мудрено. Только на моей памяти различные популярные спортивные изда-

ния раз десять венчали очерки и репортажи о футболе этими строками Николая Алексеевича Заболоцкого, которыми начинается его стихотворение «Футбол», написанное в 20-е годы. Сами же стихи, мне кажется, помнят очень немногие. Любопытно и показательно то обстоятельство, позволяющее судить об оценке этих строк автором, что Н. Заболоцкий включит «Футбол» в свое поэтическое завещание. Один из редчайших поэтов, он составил его загодя, подчеркнув, что только перечисленные им произведения могут войти в итоговое собрание, указав за несколько дней до смерти структуру и название книги. Это — «Столбцы и поэмы. Стихотворения». Мы перепечатываем «Футбол» по этому изданию.

«Период ученичества и подражания, — читаем в предисловии к сборнику, — кончился в 1926 году, когда Заболоцкому удалось найти оригинальный поэтический метод и определить круг его приложения. Основная тема его стихотворения 1926—1928 г. — зарисовки городской жизни, вобравшей в себя все контрасты и противоречия того времени». Причудливость «Футбола», где образ форварда, игры, внешние приметы этого спортивного действия, конечно же, призваны своей резко-угловатой живописностью выразить нахлынувшую бурю чувств, сложность и смутенность переживаний, слегка как бы сниженных гиперболой и иронией. И неожиданный нежный лирический конец. И образ девочки танцующей. Впрочем, объяснять да толковать стихи — зряшное, пустое дело, и я далек от подобных тщаний.

Хотел бы только сказать, что у Заболоцкого не раз встречается этот образ — девочки, как некое олицетворение жизни, движения. И если «Футбол» для многих, уверен, будет открытием, то другие строки, написанные поэтом, прошедшим крестный путь лагерника времен преступлений сталинщины (осужден за стихи!), путь, уготовленный множеству лучших, благороднейших сынов Отечества, — эти строки стали поэтическим и широко распространенным афоризмом: финал стихотворения «Некрасивая девочка».

И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движении.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Вообще говоря, не так уж мало написано стихов о спорте, в частности о футболе. Особенно хороши они у Евтушенко. Посвященные В. Боброву, А. Хомичу, недавние — Л. Яшину, они пользуются признанием и любовью многих. Находим удачные стихи о спорте и у Рождественского. Но все это — стихи именно о спорте, об игре, о людях спорта. Мне же хотелось здесь показать, как поэты сквозь черты спорта, футбола, через сопредельные с ними ассоциации раскрывают мысль, чувство, поражающее точностью и ограниченностью образа, будто мяч, просвистевший в «девятку».

Наследие Бориса Слуцкого огромно, посмертно он, уже возвеличенный мастер, раскрывается все глубже и глубже. Журналы публикуют все новые стихи «из стола» Слуцкого. Иные поражают горечью, тонкостью и обычными для него поэтическими прозаизмами. Гвардии майор, инвалид Великой Отечественной, Слуцкий служил в разведке, доводилось ему участвовать и в работе военных трибуналов. И вот что он написал в стихотворении без названия, первые строки которого — «Я судил людей и знаю точно, что судить людей совсем не сложно — только погода бывает тошно, если вспомнишь как-нибудь оплошно». И далее:

Хорошо быть педагогом школьным,
Иль сидельцем в книжном магазине,
Иль судьей.. каким судьей?
Футбольным:

Быть на матчах пристальным разиней.
Если сны приснятся этим судьям,
То они во сне кричать не станут.
Ну, а мы? Мы закричим, мы будем
Вспоминать былое неустанно.

Можно ли остроумней и точнее сравнить иных наших арбитров (строки выделены мною, как принято в таких случаях. — И. М.), чем это сделал Слуцкий, а также подчеркнуть спокойный сон их совести, тогда как негодуют и лишаются покоя сотни тысяч людей, свидетелей несправедливого поведения или вопиющего отсутствия профессионализма?

Поэт Михаил Львов, недавно ушедший из жизни, тоже фронтовик, предельно искренний, честный, взволнованно воспевавший фронтовое братство и веривший в него, приютивший поэта Марка Соболя во время неистового разгула сталинско-бериевского антисемитизма, «дела врачей», в опубликованных посмертно стихах предстал в ином облике. Облике, украшенном трагическими складками морщин и тяжелым раз-

ТО ЧТО ЕСТЬ КРАСОТА...»

думьем над жизнью нашей недавних еще времен. Читаем: «Я жить могу в восторге только...» Но в другом месте: «И занимается тоска примериванием пистолета к размеру твоего виска». А вот как М. Львов размышляет над историей и современностью нашего Отечества:

Историю листал —
и стало грустно что-то,
То параноит вождь,
то самодурит царь...
История,
иль ты —
игра в одни ворота?

В воротах — сам народ,
как взмыленный вратарь?

Этот вздыбленный образ мучительной повседневности и тяжелого наследия исторического прошлого не нуждается, разумеется, в дополнительных комментариях. И как бы в противовес — строки великого Осипа Мандельштама, созданные в воронежской его ссылке, которые современники считают относительно благополучными днями его мученической жизни. Поразительные светом безмятежности, свежести чувства и тем, что поэт выбрал именно

футбол, чтобы довершить картину, которая... Впрочем, слушаем:

Рассеян утренник тяжелый,
На босу ногу день пришел,
И на дворе военной школы
Играют мальчики в футбол.

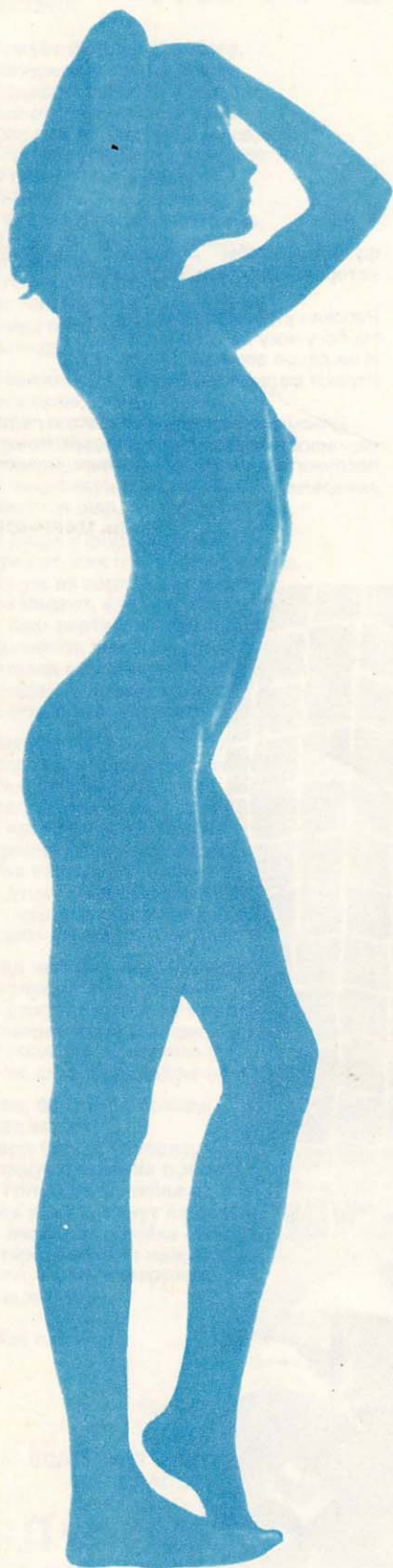
Динамизм, яркость, резкость и переночивость этой игры, как видим, может послужить мастеру и нежным мазком акварели.

Игорь МАРИНОВ

ОТ ОСАНКИ — К НАСТРОЕНИЮ!

Владимир ПЕТРОВ,
кандидат педагогических наук

В последнее время на страницах нашей и зарубежной печати появилось много материалов, посвященных вопросам искривления позвоночника и нарушения осанки.

Почему эти показатели физического состояния и здоровья людей являются объектом повышенного внимания педагогов, медиков, физиологов?

Это объясняется распространенностью такого рода дефектов как среди детей и подростков, так и среди взрослых. Настораживает и тот факт, что частота подобных нарушений не снижается и среди спортсменов.

Вот как, к примеру, выглядит статистическая картина обследования осанки учащихся первого курса Таджикского техникума физической культуры (данные врача Л. Алексеенко). В группе легкоатлетов из 17 человек сутулость обнаружена у 14 (82,4 процента), сколиоз — у 9 (52,9 процента), плоскостопие — у 15 человек (88,2 процента). Лечились (малозффективно) два человека. Регулярно занимается утренней гимнастикой — один, нерегулярно — пять. В группе обучающихся по специальности «спортивные игры», где также 17 учащихся, сутулятся 13 человек (76,4 процента), плоскостопие у 13 (76,4 процента). Проходил лечение (эффективно) один. Утренней гимнастикой занимаются двое. А ведь возраст обследованных 15—16 лет!

Осанка человека формируется в течение жизни и зависит от рационального режима, физической активности и других факторов. Изгибы позвоночника у новорожденного почти не заметны. К первым шести месяцам жизни, когда ребенок только-только начинает сидеть, под тяжестью головы появляется шейный изгиб. С увеличением нагрузки на позвоночный столб начинают появляться признаки грудного изгиба. В годовалом возрасте под воздействием мышц, тяжести внутренних органов и вертикального положения туловища формируется поясничный лордоз. А типичный изгиб грудного отдела позвоночника появляется в 6—7 лет.

Чтобы предупредить нарушение осанки, надо постоянно следить за позой ребенка, чтобы он сидел прямо, во время ходьбы не горбился. Холодные

обтирания не только закаляют, но и способствуют повышению тонуса мышц. Немаловажное значение имеет пища, содержащая достаточное количество полноценных веществ: витаминов, минералов, белков.

Родителей прежде всего начинает беспокоить, что фигура их сына или дочери выглядит некрасиво. Многие взрослые не подозревают, что правильная осанка придает фигуре не только стройность, но и обеспечивает здоровье. Гармоничное развитие человеческого тела, легкость и непринужденность движений и поз создают наиболее благоприятные условия для деятельности внутренних органов. Ребенок, у которого хороший мышечный корсет, правильно развит костно-суставной аппарат, физически более вынослив, чем тот, кто сутулится.

Правильной, здоровой, красивой считается осанка человека, у которого прямая спина, не слишком прогибающаяся в области таза, широко, свободно, но не резко разведенные и слегка опущенные плечи (при этом лопатки не должны выступать), высоко, но не чрезмерно поднятая голова, втянутый живот. В таком положении тела кровообращение не затруднено, дыхание благодаря расправленной грудной клетке свободно.

Известный советский невропатолог и бальнеолог профессор К. Ф. Никитин как-то вспоминал, что в дореволюционных юнкерских училищах сутулившимся подросткам привязывали к спине обыкновенную доску. Психологическое влияние одного часа такой экзекуции оказывалось достаточным для того, чтобы постоянно фиксировать внимание на правильной осанке. Особенно велик эффект от этого наказания был тогда, когда подросткам давалось задание одновременно проделывать всевозможные упражнения на равновесие — ходить по узкой доске, бревну, постоянно следя за осанкой.

Из доступных упражнений, укрепляющих мышцы спины и брюшного пресса, мужчинам рекомендуется подтягивание на перекладине (особенно подтягивание с широким хватом, при котором надо стремиться коснуться перекладины затылком).

Хочется отметить, что различные комплексы упражнений, как приведенные в этой статье, так и предлагаемые другими авторами, сами по себе сутулость не исправят. С их помощью можно укрепить мышцы спины, шеи и брюшного пресса, но обрести правильную осанку они помогут только тому, кто стремится постоянно следить за ней.

Поэтому обращаемся в первую очередь к родителям: будьте внимательны к своим детям. И если заметите, что ребенок сутулится, держит одно плечо выше другого, обратитесь к специалистам. И не тяните — порочно сформированную осанку не исправить, так же как не выпрямить ствол дерева, если оно выросло кривым.

При искривлении позвоночника появляются не только «эстетические» дефекты. Сильно суживается и уплотняется грудная клетка, при этом оказываются сдавленными легкие, их работа затрудняется, а это способствует возникновению и развитию легочных заболеваний. Затрудняется и работа сердца, органов пищеварения.

У малыша-дошкольника спинные мышцы-разгибатели развиты недостаточно, и поэтому они не выдерживают длительных нагрузок. Легко наступает деформация позвоночника и грудной клетки, снижается выносливость организма, наступает быстрая утомляемость, падает работоспособность.

К шестнадцати-восемнадцати годам формирование осанки завершается, и возникшее ранее нарушение с трудом поддается исправлению.

Поэтому предлагаем вам немедленно включить в утреннюю зарядку комплекс упражнений, разработанный Ю. Шапошниковым специально для формирования правильной осанки.

Упражнения эти рассчитаны на школьников 10—13 лет. Повторяют каждое 6—8 раз.

1. Положите руки за голову, правую ногу отставьте назад на носок. Поднимая руки вверх, отведите их до отказа назад, посмотрите вверх и сделайте вдох. Вернитесь в исходное положение — выдох.

2. Поставьте ноги на ширину плеч, руки разведите в стороны. Наклонив туловище, положите прямые руки на спинки стульев и проделайте четыре пружинящих наклона вперед, затем вернитесь в исходное положение.

В исходном положении сделайте глубокий вдох, во время наклонов — выдох.

3. Встаньте на колени, вытяните руки вперед. Сильно прогибаясь назад, опустите руки и возьмитесь за голени около пяток. Посмотрите вверх и сделайте вдох. Затем вернитесь в исходное положение — выдох.

4. Лягте на пол на живот, согните руки и обопритесь ладонями об пол. Разгибая руки и не отрывая бедер от пола, поднимите туловище, прогнитесь как можно больше, сделайте вдох. Затем вернитесь в исходное положение — выдох.

5. Лягте на валик, руки опустите вдоль туловища. Поднимите руки вверх за голову, скрестите их и, прогибаясь, сделайте 3—4 пружинящих движения вверх-вниз, стараясь коснуться руками пола. Затем вернитесь в исходное положение.

Во время движения делайте вдох, в исходном положении — выдох.

6. Лягте на спину, ладонями обопритесь о пол (пальцы должны быть направлены к ногам), согните ноги в коленях и поставьте их на ширину плеч. Разгибая руки, сделайте «мост» (с дополнительной опорой о лоб) — вдох. Через 2—3 секунды вернитесь в исходное положение — выдох.

7. Лягте на живот, впереди на расстоянии вытянутых рук поставьте стул, руки опустите вдоль тела.

Приподняв туловище, поднимите руки через стороны вверх и положите ладони на край сиденья — вдох, через 2—3 секунды вернитесь в исходное положение — выдох.

8. Лягте на живот, руки вдоль тела, ноги врозь. Согнув ноги в коленях, захватите стопы руками, прогнитесь как можно больше и сделайте вдох. Вернитесь в исходное положение — выдох.

Как избавиться от сутулости женщинам? Так же, как у мужчин, сутулость у женщин — это привычка, и избавиться от нее можно с помощью физических упражнений, укрепляющих позвоночник, делающих его более гибким. Упражнения выполняются по 12—15 раз в 2—3 серии.

1. Прислонитесь спиной к стене так, чтобы затылок, плечи, пятки касались стены. Сведите лопатки. Поймите в этом положении несколько секунд, затем расслабьте мышцы. Повторите упражнение несколько раз.

2. Лежа на спине, вытяните руки и, согнув ноги, сведите лопатки на несколько секунд, затем расслабьте мышцы и повторите упражнение.

3. Положив под поясницу валик или мяч, прогнитесь, заводя прямые руки за голову.

4. Встаньте на колени, упритесь руками в пол, голову слегка опустите вниз. Поднимите голову, одновременно прогибаясь в пояснице.

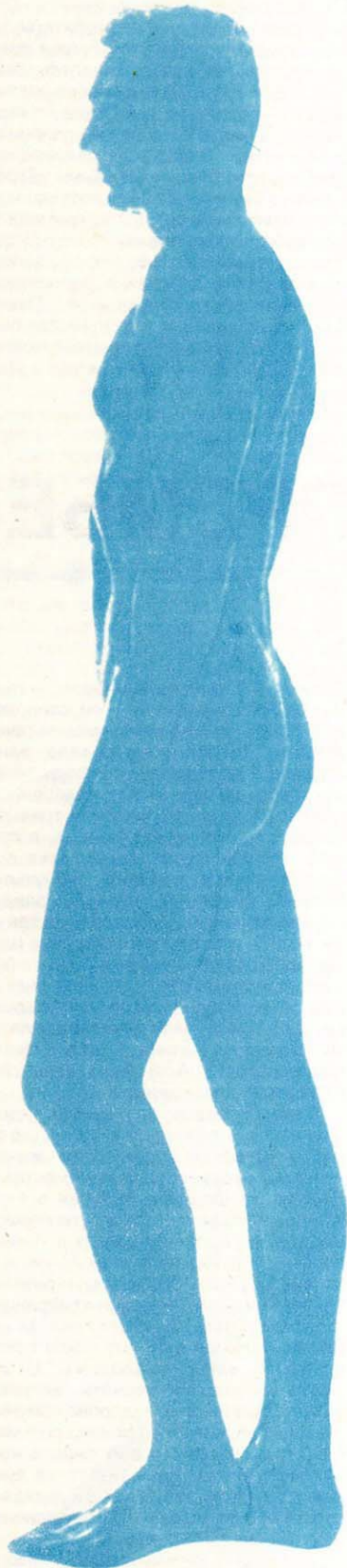
5. Положите руки на пояс и отведите локти назад, сводя при этом лопатки и слегка выдвигая голову вперед.

6. Лягте на скамью (или на два стула) так, чтобы лопатки находились на краю скамьи. Поднимите голову. Поднимая прямые руки и заводя их назад, опустите голову.

В заключение повторите первое упражнение (10—15 секунд).

Выполняйте этот комплекс ежедневно, постоянно следите за собой, и в результате ваша осанка улучшится.

Если с нарушением осанки можно справиться с помощью простых физических упражнений, то сколиоз требует особой тактики. О том, какие упражнения показаны тем, кто страдает сколиозом, мы расскажем в одном из следующих номеров журнала.

Кто придет на смену Крис Эверт и Мартине Навратиловой? Этим вопросом американские любители тенниса задавались со все большей тревогой. Десять лет назад, казалось, ответ был найден. В 1979 году веско заявила о себе 17-летняя Трейси Остин, ставшая второй ракеткой мира и разбившая двоевластие Эверт — Навратилова. Трейси отличалась пушечными ударами с задней линии и стабильностью, которой славилась Эверт, а светлый хвостик торчал на ее затылке не менее победно, чем у старшей подруги. Совсем неподалеку от юного дарования держалась в классификации сверстница Памела Шрайвер, сумевшая уже в 16 лет победить в полуфинале открытого чемпионата США саму Навратилкову. Дуэль

новая американская прима, готовая подхватить эстафету у Эверт. «Это был не дебют, — сказал о девочке Тед Тинлинг, 80-летний теннисный знаток. — Это была премьера».

Итак, через два десятилетия после того, как зажглась звезда Эверт, в полный голос заявила о себе Дженифер Каприати, ставшая самой молодой финалисткой женского профессионального турнира. И проигрыш в решающем матче Габриэле Сабатини (4:6, 5:7) не убавил радости американских болельщиков.

Вокруг все только и говорили о чудо-девочке, демонстрировавшей удивительные удары, зрелую игру с лета и безграничную энергию в течение всей неде-

«Каприати просто создана для тенниса, — поддержала ее бывший игрок, а теперь теннисный обозреватель Мэри Карилло.

Во время дебюта Каприати Крис Эверт была далеко от городка Бока Рейтон на лыжных соревнованиях в Аспене. Крис сознательно держала дистанцию, чтобы Каприати почувствовала полную самостоятельность. Но все равно разговоры в клане Эверт вертелись вокруг теннисного турнира. Так же, впрочем, как и в семье Каприати, которая в полном составе (глава Стефан Каприати, мама Дениз и брат Стивен) присутствовала на соревнованиях, а свободное от игр время проводила вместе с Дженифер в элегантном особняке Крис, наслаждаясь уединением. Крис

ПРЕМЬЕРА ЧУДО-ДЕВОЧКИ

Остин — Шрайвер обещала быть не менее захватывающей, чем соперничество Крис и Мартини. Но, увы, за ранним взлетом Трейси последовало раннее падение. Продержавшись среди теннисной элиты до середины восьмидесятых, Остин, замученная частыми травмами, «сошла с дистанции». Правда, в прошлом году 26-летняя теннисистка предприняла было попытку вернуться в большой спорт, но, получив солидные авансы от прессы, оправдать их так и не смогла. Ее постоянная соперница Шрайвер прошла свой теннисный путь с большим успехом (с 1980 до 1988 года она постоянно входила в десятку сильнейших), но так ни разу и не выиграла турнир Большого Шлема, а игра в финале чемпионата США-78 была едва ли не высшим ее достижением.

Таким образом, за спинами лидеров сохранялась пугающая пустота, а с приходом Штеффи Граф центр женской теннисной моды вообще переместился в Европу. За Штеффи, которая в 14 лет вошла в первую сотню теннисисток мира, а в 18 стояла уже под номером первым, последовали еще более юные испанка Аранта Санчес, выигравшая в 16 лет открытый чемпионат Франции у Штеффи Граф, и югославка Моника Селеш, которая в 16 лет стала третьей ракеткой мира. Молодежь Старого Света начала вытеснять ветеранов Нового. Американцы здорово приуныли. Но событие, которое произошло 6 марта 1990 года, заронило в их сердца новую надежду. В этот день 13-летняя американка Дженифер Каприати одержала свою первую победу в профессиональном теннисном турнире.

Этот матч она выиграла у Мэри Лу Дэниэлс, а к концу недели Каприати, ребенок с ударами взрослого, заслужила лестное замечание, что пришла

ли, когда она поочередно расправилась с такими опытными профессионалами, как Дэниэлс (№ 110), Клаудиа Порвик (№ 34), Натали Тозиа (№ 16), Хелена Сукова (№ 10), Лаура Гильдемейстер (№ 21).

Столь же поразительным, как мастерство, было и явное игнорирование ею турнирного давления. Раз за разом в течение недели она отступала в матчах, но только затем, чтобы потом прорубить себе дорогу к победе. Дженифер подолгу держала мяч в игре, возвращая убийственные удары, держала в напряжении соперницу подачей, скоростью мяча которой достигала порой 94 миль в час. «Я люблю бороться, — заявила Каприати во время одной из многочисленных пресс-конференций. — Когда я слышу, как заводятся трибуны, сама заражаюсь этим чувством».

Болельщики признали ее сразу после победы в первом круге. Но Дженифер выступала не только в одиночном разряде. В состязании женских пар 13-летняя Каприати выступала с 46-летней Билли Джин Кинг, что вызвало добродушные улыбки трибун. Дальше второго круга им пройти не удалось. Каприати болтала и подзадоривала Кинг до тех пор, пока они не проиграли Бренде Шульц и Андреа Темешвари.

Кинг, которая с прошлого года помогает Каприати в совершенствовании подачи и игры с лета и консультирует ее на предмет турнирного давления, наслаждалась занятиями с этим ребенком: «Мне доставляет удовольствие видеть, как хорошо она со всем справляется...»

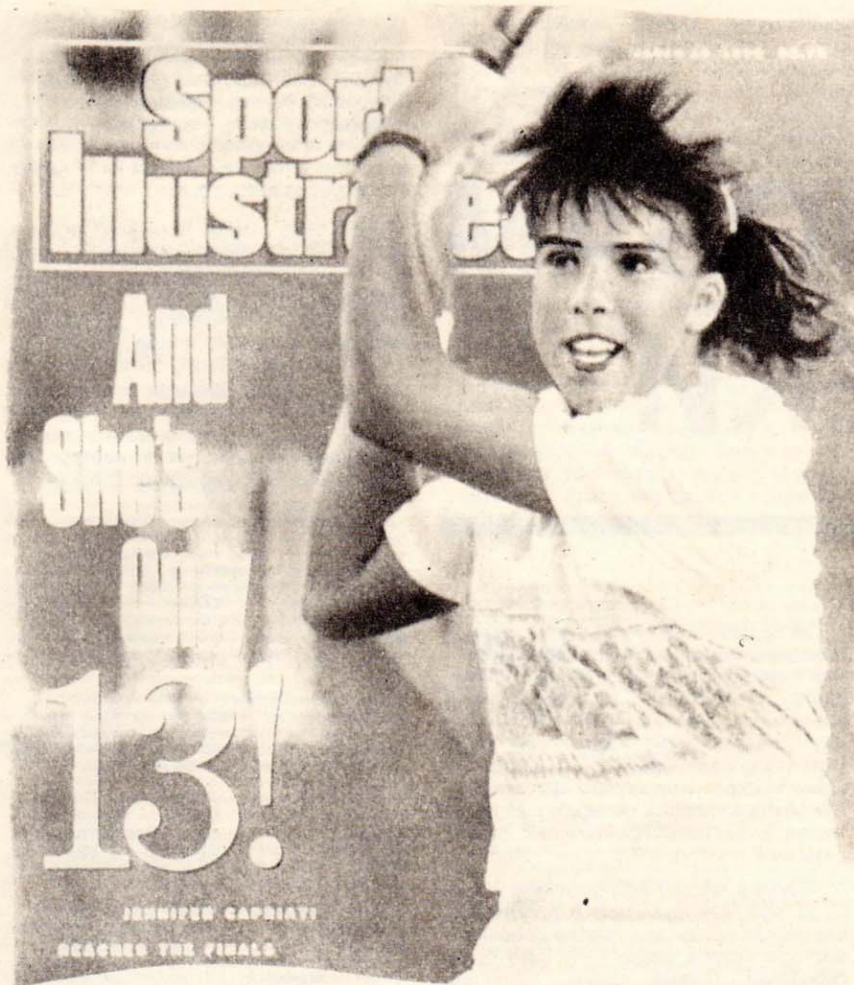
Кинг не единственная почитательница юной теннисистки. «Она определенно будет лидером в 90-х годах», — заметила 27-летняя Пэм Шрайвер, 14-я ракетка мира.

каждый день звонила своей подопечной и справлялась об ее успехах, а перед первым матчем подбодрила девочку телеграммой. Может быть, забота великой чемпионки о юной теннисистке вызвана не только тревогой за будущее американского женского тенниса, но и тем, что Каприати по манере игры чем-то напоминает ее саму. У обеих похожие двуручные удары слева, а действия Каприати на корте кажутся такими же точными и эффективными, как и у Эверт. Но Дженифер больше атакует и больше зарабатывает очков на подаче.

Связи с семьей Эверт не ограничиваются у Каприати отношениями с Крис. На трибунах во время соревнований ежедневно сидел седовласый Джими Эверт, который начал тренировать Каприати, когда той было четыре года. С собственной дочерью он стал работать, как только ей исполнилось 6 лет. «Когда я вижу игру Дженифер, чувствую себя как-то по-особому», — признался отец многократной чемпионки Уимблдона.

Брат Крис, 28-летний Джон Эверт, представляет деловые интересы Каприати как ее агент от Ай-Эм-Джи. Уже заключены контракты с итальянской фирмой одежды «Диадора» (3 млн. долларов за пять лет) и фирмой «Принс», ракетками которой Дженифер должна будет играть три года (1 млн. долларов). Юная звезда могла бы заработать на контрактах еще два миллиона или даже больше, но Джон решил не гнаться за деньгами, иначе Дженифер придется тратить слишком много времени на разъезды и рекламу той или иной продукции.

На своем первом профессиональном турнире Каприати старалась держаться в тени, охраняемая семьей и должност-

ными лицами. Чтобы избежать зрительского ажиотажа, тренировалась на частных кортах, спала до полудня, болтала по телефону с друзьями, получала школьные домашние задания по факсу и без особого одобрения читала газетные рассказы о собственных матчах.

На ежедневных конференциях Каприати была так же непосредственна, как и на корте. После своей победы в третьем круге над Тозиа Каприати вызвала у журналистов взрыв хохота, когда на вопрос, был ли у нее страх перед 16-й ракеткой мира, заявила: «Мне без разницы, будь это хоть Штеффи Граф».

Чтобы удовлетворить все просьбы о представлении интервью, пришлось проводить пресс-конференции два раза в день. Эй-Би-Си сняла фильм о Каприати у нее дома в Сэдлбруке. Эн-Би-Си показала фрагмент матча с ее участием, но все просьбы съемочной группы относительно ее личных тренировок окончились безрезультатно.

Силу восходящей звезды признают не только журналисты, но и те, кого она обыграла на пути к финалу. Дэниэлс, противостоявшая Каприати в первом круге, отметила ее увесистые удары, сравнив Дженифер со Штеффи. Сукова, которой Каприати не дала выйти в полуфинал, призналась, что недооценила соперницу: «Я видела игру американки накануне и знала, что у нее мощные и

точные удары, но не предполагала, что их мощь и точность она способна сохранять на протяжении всего матча».

В финальной игре против Сабатини Каприати была менее агрессивна, чем в предыдущих матчах, но разница заключалась в способности Сабатини широко «разводить» мячи и выматывать молодую соперницу — то, чего не могли добиться ее предшественницы. Тем не менее Габриэла тоже похвалила Дженифер: «Я должна была показать свой лучший теннис, чтобы победить ее. Она очень скоро будет на вершине».

Эвэрт уверена, что именно такую спортсменку, как Каприати, ждала теннисная Америка. «Я думаю, каждый мечтает, чтобы Дженифер выросла в игрока, подобного Билли Джин или мне, и желает, чтобы она стала первой ракеткой мира, особенно сейчас, когда так резко вырвались вперед европейские теннисисты. Дженифер способна заполнить пустоту, образовавшуюся за нами...»

Но были и осторожные высказывания. «Первый год среди профессионалов обманчив, — заметила Кинг. — Все кажется в диковинку, и ни у кого еще нет на тебя досе. Со временем же становится гораздо труднее».

Тем не менее Эвэрт предсказала, что к концу этого года Каприати будет в

десятке сильнейших теннисисток мира. Ну что же, поживем — увидим.

Среди советских специалистов мало кто видел игру Каприати, но тем не менее я попросила прокомментировать ее стремительный взлет Анну Петровну Скородумову, возглавляющую комплексную научную группу сборной команды СССР.

— У советских специалистов, к сожалению, нет данных функциональных возможностей Каприати, и какие-то выводы из ее ранних побед и прогнозы дальнейшей судьбы я делать не могу. Скажу только, что одно дело паспортный возраст и совсем другое — возраст физиологический. Вполне возможно, что Каприати достаточно созрела и готова к выступлениям на таком уровне. Хотя, как правило, если говорить о спорте высших достижений, в женском теннисе, исключая Эвэрт и Навратилкову, чем позже вошел в элиту, тем дольше держишься на вершине.

Плохо, когда нагрузка ложится на неокрепший организм. И еще. Очень важно, с каким настроением она играет. Если Каприати все равно, какой она будет — пятой или двадцатой, и она просто наслаждается игрой, это одно, но если уже запущена установка, что она «непрерывно должна» что-то выиграть, то такой юной спортсменке может угрожать психологический срыв.

Из молодого поколения теннисисток ближе всего к американке по возрасту две теннисистки — Селеш и Санчес. И ту и другую я наблюдала не только по ТВ. Селеш очень подвижна, но мне кажется, если не будет проведена большая тренировочная работа по укреплению организма, она долго не выдержит. Теннисистка должна быть способна к восстановлению от турнира к турниру. Удастся ли это югославской спортсменке, вот вопрос.

В отличие от Селеш, Санчес, по-моему, настольно зрела и функционально и как человек, что не сломается. Терпение, стабильность, огромная подвижность, тактическая грамотность — это черты сформировавшегося мастера. Я видела ее игру на прошлогоднем чемпионате Франции. В 16 лет выдержать три труднейших сета против Граф и победить! Она обладает очень ценным и редко встречающимся сочетанием двух, по сути, противоречащих друг другу качеств: быстроты и выносливости. Честно говоря, эта теннисистка мне очень нравится.

И кто знает, может быть, Каприати, которая как и Санчес южанка, не поспешила выйти в большой свет?

Наталья БЫКАНОВА

ВСЕМ ПРОГНОЗАМ ВОПРЕКИ

... Об играх Кубка Стэнли-90 даже «Советский спорт» давал весьма скудную и неполную информацию. Поэтому не могли бы вы помочь восстановить, во-первых, картину этого турнира, а во-вторых, объяснить, как «Ойлерз» без Гретцки и Фюра, считавшихся главными фигурами в клубе, сумели после годичного перерыва вернуть главный приз профессионалов НХЛ.

Москва

А. ЛЯМИН

«Эдмонтон Ойлерз» весной 1988 года отпраздновали очередную, четвертую за пять лет, победу в розыгрыше Кубка Стэнли, а два месяца спустя команду уже хоронили. Хоронили по высшему разряду — в торжественных речах и славословиях, сколь хорош этот клуб, недостатка не было. Однако постоянно, как рефрен, звучало: без Уэйна Гретцки (а тот ушел в июле к лос-анджелесским «королем») царство династии «Ойлерз» пришел конец.

Сезон 1988/89 года, казалось, этот прогноз подтвердил. Как и утверждали пророки, «Ойлерз» оказались в тени — в тени «Калгари Флеймз» и «Монреаль Канадиенс». А еще годом позже, в регулярном сезоне 1989/90 года, эдмонтонцев обошли еще «Бостон Брюинз» и «Бьюфало Сейбрз». А если учесть, что такие клубы, как «Чикаго», «Хартфорд», «Нью-Джерси», «Нью-Йорк Рейнджерс», выглядели в круговом маршале ничуть не хуже «Ойлерз», то отсутствие эдмонтонцев в списке главных фаворитов Кубка Стэнли-90 удивления не вызвало. Претендентами же номер 1 почти единодушно назывались хоккеисты «Калгари Флеймз».

Серия 1/8 финала с «Лос-Анджелес Кингз» хоккеисты «Флеймз» начинали двумя встречами на своем льду, где в регулярном сезоне они проигрывали в среднем лишь один матч из восьми. И мало кто мог предположить еще в начале третьего периода встречи № 1 этой серии, что «Флеймз» отступают на первом же шагу — хозяйева выигрывали в последней двадцатиминутке 3:1, но умудрились не без помощи вратаря Майка Вернона уступить 3:5.

Во второй встрече хозяйева вроде бы добились реабилитации — выиграли 8:5. Однако опять защита и голкипер «Калгари» действовали далеко не безошибочно, а главное — не работало основное оружие «Флеймз»: если в регулярном сезоне одно из трех удалений у соперников приносило гол «Калгари», то в начале серии против «Кингз» 14 минут игры в большинстве плодов хозяйева не принесли. Более того, в матче № 3 (а эта встреча проходила уже в Лос-Анджелесе) в дополнительном, до гола, периоде хоккеисты «Флеймз» не только не добились успеха, но и позволили Тони Гранато забросить в меньшинстве победную шайбу, в какой-то степени предопределившую судьбу всей серии.

Кстати, и во встрече № 6, победив в которой хоккеисты «Калгари» еще могли рассчитывать на успех, они не извеликни ничего из пяти удалений хозяйева (те забросили в большинстве две шайбы), лидировав дважды в третьем периоде (2:1 и 3:2), сохранить добытое не смогли, а во втором дополнительном периоде пропустили после броска Джюсса шайбу, поставившую крест на надеждах фаворита.

После победы «Кингз» в этой серии в конторах букмекеров начался переполох — резко подскокнули ставки «Канадиенс» и «Бостона», не говоря уже о самой «команде Гретцки». Но желающих поставить на «Эдмонтон» были считанные единицы — «Ойлерз» в серии 1/8 финала проиграли «Виннипегу» три матча из первых четырех, и их положение считалось практически безнадежным.

Мы уже писали («Спортивные игры» № 8), что «Ойлерз» еще в регулярном сезоне остались без своего основного вратаря Гранта Фюра — у него была серьезная травма спины. Голкипер же — так показывает многолетняя практика НХЛ — едва ли не ключевая фигура для того, кто хочет выиграть Кубок Стэнли. А 23-летний Билл Рэнфорд, заменивший Фюра, и понятие «ключевая фигура» не стыковались.

... В юниорах Рэнфорд ничем не выделялся, и «Бостон» приобрел его в 1987 году, похоже, про запас. Год спустя бостонцы выменяли у «Ойлерз» вратаря Энди Муга, отдав «Эдмонтону» — с придачей, разумеется, — Рэнфорда. Естественно, пока Фюр был в строю, Билл редко выходил на лед, почти не имел игровой практики, а уж опыта участия в розыгрыше Кубка Стэнли не имел и подавно. Не мудрено поэтому, что первый блин вышел комом — в матче № 1 «Эдмонтон» — «Виннипег» (5:7). Рэнфорд наделал столько ошибок, что, будь у тренера Джона Муклера — к стати, такого же новичка, как и Рэнфорд, — кто-либо достойный род пудры, не миновать бы Биллу замены. Но достойного не было.

22 матча без 2 минут провел Билл Рэнфорд на льду в розыгрыше Кубка Стэнли-90. И практически не было встречи, в которой этот вратарь мог позволить себе отдохнуть. Достаточно сказать, что по его воротам в 22 встречах было сделано 672 броска (по воротам соперников «Эдмонта» — 607) и только в 60 случаях Рэнфорд не вырчил команду (вратари-соперники, включая Муга, пропустили во встречах с «Ойлерз» 93 гола). Не мудрено поэтому, что к концу турнира Билла Рэнфорда стали называть среди главных претендентов на звание «наиболее ценного игрока (MVP) Кубка Стэнли» и приз Конна Смита.

Билл стал MVP Кубка Стэнли-90. Стал девятым вратарем в истории этого розыгрыша, удостоенным этого титула (5 раз получали приз Конна Смита защитники, 12 — форварды). И постулат «без надежного вратаря выиграть Кубок Стэнли невозможно» получил еще одно практическое подтверждение...

С помощью Рэнфорда «Эдмонтон» совершил невозможное и выиграл у «Виннипега» три матча подряд, одержав победу в серии 4—3. И, как

выяснилось позднее, этот первый барьер оказался самым трудным для будущих обладателей Кубка Стэнли. Второй же барьер — серию против «Лос-Анджелес Кингз» — хоккеисты «Ойлерз» преодолели «чисто» (4—0), забросив в четырех матчах 24 (!) шайбы и пропустив лишь 10.

Для того, чтобы победить «Кингз», нужно решить проблему Уэйна Гретцки — это в НХЛ считается аксиомой. Конечно, для «Ойлерз» эта задача облегчалась тем, что Уэйн долгие годы играл в этом клубе, и кому, как не хоккеистам «Эдмонта», было знать все плюсы и минусы Гретцки. Однако тому, что проделал с Гретцки финн Эса Тикканен, могли бы позавидовать многие канадцы — специалисты по нейтрализации сильнейших форвардов соперника.

После серии «Эдмонтон» — «Лос-Анджелес» многие обозреватели называли Тикканена «вездесущей тенью Гретцки». Однако «тьень» эта была необычной — она не столько следовала за «хозяйном», сколько заставляла его следовать за собой. Опекая плотно Гретцки в своей зоне, Тикканен во время атак «Ойлерз» смело шел вперед, заставляя Уэйна много времени уделять чисто оборонительным обязанностям, что оказалось — возможно, из-за травмы — Гретцки не по силам.

В следующих сериях — с «Чикаго» и «Бостоном» — Тикканен столь же успешно справился с лидерами этих клубов, форвардами Денисом Саваром и Крейгом Джани. Более того, «тьень» с 13 голами и 11 передачами обошла в итоге всех своих опекаемых.

Любопытно, что еще один финн был одним из лучших в те минуты, когда «Эдмонтону» приходилось обороняться. «Плюс-минус» рейтинг Рейо Руотсалайна подтверждает это. Как подтверждают цифры и то, что Руотсалайн был одной из главных фигур «Ойлерз» при игре в большинстве.

Интересная деталь: Рейо вот уже который год не выступает в регулярном сезоне НХЛ — он проводит его, «играя на одном коньке» где-нибудь в Европе (последний год — в Швейцарии), а весной, отдохнув, возвращается за океан. Вот и на этот раз эдмонтонцы, уже выигрывавшие в 1987 году с Руотсалайном Кубок Стэнли, пригласили к себе финна в марте и, судя по всему, в накладе не остались.

В «Финскую общину» в «Эдмонтоне» кроме Тикканена и Руотсалайна входят и Яри Курри. Но прежде чем повести речь о нем, вернемся к событиям в розыгрыше Кубка Стэнли.

Для «Чикаго Блэкхоукс» прошедший сезон стал сезоном возрождения. Впервые за много лет чикагцы не только не плелись в конце турнирной таблицы в общем зачете, но даже одно время возглавляли ее. И выход «Чикаго» в полуфинал считался делом предельно простым. Но это «предельно простое» оказалось делом долгим, и с «Миннесотой», и с «Сент-Луисом» чикагцам пришлось проводить по семь матчей. И в результате хоккеистам «Эдмонта» после быстрой победы над «Кингз» в четвертьфинале пришлось поджидать соперника восемь дней.

Отдохнувшие хоккеисты «Ойлерз» без особого труда выиграли у «Чикаго» матч № 1 полуфинала (5:2), но затем чикагцы прыгнули выше головы — сначала победили в гостях (4:3), а потом дома (5:1). Вот почему встреча № 4 в Чикаго стала в этом полуфинале ключевой. Победы в ней хозяйева и...

Хозяйева сделали для победы практически все, превзойдя чуть ли не вдвое соперников по броскам (27—16). Однако форвардов высокого класса у «Чикаго» явно не хватает, и потому количество в качестве не перешло. Гости же, сделавшие в первом периоде только 3 броска по воротам, «заработали» 2 гола. Причем успеха добились

ветераны Марк Мессье и Гленн Андерсон, не нуждающиеся в особых рекомендациях.

Во второй двадцатиминутке КПД «Ойлерз» несколько упал: на 2 других гола (Мессье и Симпсон) им понадобилось уже 8 бросков, но и этого оказалось достаточным для победы (4:2).

Одним из лучших нападающих гостей был признан левый крайний (23-летний) Крэйг Симпсон. Если учесть, что в Кубке Стэнли-90 он стал позже самым результативным форвардом (16 голов + 15 передач), то обойти его молчанием было бы несправедливо.

... Итак, Крэйг Симпсон. Мощью броска не выделяется. Активностью при добивании — тоже.

Однако для вратарей НХЛ Симпсон — один из самых нелюбимых форвардов. Он видит все — и щель между щитками голкипера, и незащищенный угол. Дальнейшее же неотвратимо просто — он кладет шайбу в щель с непринужденностью и артистизмом аса-биллиардиста, выставляя голкипера на посмешище публике.

Надо сказать, он многому научился у Мессье и Гретцки, попав в 1987 году к «Ойлерз». Тогда «Питтсбург» отдал его с придачей за Пола Коффи, ныне же «Пингвинз» (равно как и «Брюинз» в случае с Рэнфордом) могут лишь кусать локти...

Кстати, не ушел Симпсон со льда без гола и в матчах № 5 и 6, закончившихся победой «Ойлерз» (4:3 и 8:4). Причем перед последней встречей — а она проходила в «Чикаго» — гости нокаутировали соперника психологически: они заранее заказали билеты в Бостон на финальные встречи. Обоснованность этого «нахальства» (так оценила этот шаг чикагская пресса) выяснилась уже к концу второго периода — матч было влору не доигрывать, поскольку «Ойлерз» вели 7:1.

В силу того что бостонцы стали первыми в регулярном сезоне («Эдмонтон» был пятым), соперники начали финальную серию в Бостоне. И этот матч чуть было не стал рекордным по продолжительности — выигрывая 2:0, гости позволили защитнику «Бостона» Рею Бурку сравнять счет за полторы минуты

до финальной сирены, и начались дополнительные, до гола, периоды. Ни первая, ни вторая дополнительные двадцатиминутки успеха никому не принесли. А когда табло отсчитало 2 минуты и 41 секунду третьего, «сверхпрограммного» периода, не выдержала нагрузка электрическая система старенького катка «Бостон Гарден».

Подобное уже происходило в 1988 году здесь же во встрече этих же команд в таком же финале Кубка Стэнли. Правда, тогда матч был «отложен», а на этот раз команды вернулись на лед через 25 минут.

Укладывать игрока на прокрустово ложе уже сложившейся тактики или менять тактику под игрока — это извечный тренерский вопрос. Большинство хоккейных тренеров, и наших, и зарубежных, придерживается первого варианта. Похоже, Муклер — сторонник второго.

В нынешнем составе «Ойлерз» есть три экс-детройтца. Они, проданные «Детройтом» за ненужность, доказали свою истинную ценность в нынешнем розыгрыше Кубка Стэнли 16 голами. Однако один гол из этих шестнадцати стоил дорого десятка других.

Когда большинство игроков уже еле передвигало ноги — это не мудрено, если учесть, что шел к концу второй час «чистого» времени, — Муклер стал чаще выпускать Петра Климу, одного из бывших детройтцев и бывшего игрока сборной Чехословакии. Он-то незадолго до окончания третьего, дополнительного периода и забил победный гол — свой пятый в нынешнем розыгрыше Кубка Стэнли и, наверное, самый важный в своей спортивной карьере — 3:2. А через день отличился еще один иностранец «Ойлерз».

... 18 мая финн Яри Курри отмечал свое тридцатилетие. Перед встречей он заявил, что собирается отметить это событие девятым голом в розыгрыше Кубка Стэнли, а на его счету одних только финалов шесть. Но оказалось, «летающий финн» — так именуют Курри в прессе — поскромничал: в этой встрече № 2 финала Яри набрал 5 очков (3 гола + 2 передачи), чего добивались в истории НХЛ только Морис Ришар и Уэйн Гретцки, обеспечив «Ойлерз» победу со счетом 7:2. Правда, к «соавторам» Курри следует причислить

и голкипера «Бостона» Энди Муга — из первых же четырех точных бросков эдмонтонцев он не сумел парировать три.

В дальнейшем «Ойлерз» позволили соперникам выиграть встречу № 3, не оставив им шансов в матчах № 4 и № 5. И опять шайбы забрасывали Мессье (общая сумма очков (9 + 22), Андерсон (10 + 12), Симпсон (16 + 15), Курри (10 + 15), Тикканен (13 + 11).

Эти пятеро форвардов «Эдмонта» и вошли в первую десятку наиболее результативных хоккеистов Кубка Стэнли-90. Вместе с двумя бостонцами (Нили и Джанни), двумя чикагцами (Лармер и Савар), а также Халлом из «Сент-Луиса».

«Снаряд», как видите, победил «броню». Однако, судя по всему, этот триумф для большинства ветеранов «Ойлерз» был последним, ибо для шести из них (нападающих Мессье, Андерсона, Курри, защитников Грегга, Хадди и Лоу) финал Кубка Стэнли-90 был шестым в жизни и пятым победным. Своего рода лебединой песней...

Б. СРЕТЕНСКИЙ

КУБОК СТЭНЛИ-90

1/8 финала

«Чикаго» — «Миннесота» 4—3 (1:2, 5:3, 2:1, 0:4, 5:1, 3:5, 5:2).
 «Сент-Луис» — «Торонто» 4—1 (4:2, 4:2, 6:5 — доп. время, 2:4, 4:3).
 «Лос-Анджелес» — «Калгари» 4—2 (5:3, 5:8, 2:1 — д. в., 12:4, 1:5, 4:3 — д. в.).
 «Эдмонтон» — «Виннипег» 4—3 (5:7, 3:2, 1:2, 3:4 — д. в., 4:3, 4:3, 4:1).
 «Бостон» — «Хартфорд» 4—3 (3:4, 3:1, 3:5, 6:5, 3:2, 2:3 — д. в., 3:1).
 «Монреаль» — «Буффало» 4—2 (1:4, 3:0, 2:1 — д. в., 2:4, 4:2, 5:2).
 «Нью-Йорк Рейнджерс» — «Нью-Йорк Айлендерс» 4—1 (2:1, 5:2, 3:4 — д. в., 6:1, 6:5).
 «Вашингтон» — «Нью-Джерси» 4—2 (5:4 — д. в., 5:6, 1:2, 3:1, 4:3, 3:2).

1/4 финала

«Чикаго» — «Сент-Луис» 4—3 (3:4, 5:3, 4:5, 3:2, 3:2, 2:4, 8:2).
 «Эдмонтон» — «Лос-Анджелес» 4—0 (7:0, 6:1, 5:4, 6:5 — д. в.).
 «Бостон» — «Монреаль» 4—1 (1:0, 5:4 — д. в., 6:3, 1:4, 3:1).
 «Вашингтон» — «Нью-Йорк Рейнджерс» 4—1 (3:7, 6:3, 7:1, 4:3, 2:1 — д. в.).

1/2 финала

«Эдмонтон» — «Чикаго» 4—2 (5:2, 3:4, 1:5, 4:2, 4:3, 8:4).
 «Бостон» — «Вашингтон» 4—0 (5:3, 3:0, 4:1, 3:2).

Финал

«Эдмонтон» — «Бостон» 4—1 (3:2 — д. в., 7:2, 1:2, 5:1, 4:1).

Добрая воля сближает мир	1
Б. КРИВКОВ, С. РЯЗАЕВ. Гольф: за и против	6
Е. ГОМЕЛЬСКИЙ, А. МЫШКИН. Назовем вещи своими именами	7
Т. БЕЛЯЦКАЯ. Кроссворд для тренера сборной	10
М. БАБИЧ. Зепп Блаттер: «Я в восторге от такой честной игры...»	14
А. ХОЛЧЕВ. Он играл для людей	16
В. ПУГАЧЕВ. Постучись в ее дверь	19
В. БЕЛОУСОВ. Вторая молодость Лопатова	21
Ю. РАЗОРЕНОВ. Тайное становится явным	23
А. ЧЕРВЯКОВ, А. ИРБЕ, А. ПАШКОВ. По наитию	26
В. ПАШИН. Нью-Васюки в Евпатории	27
В. ФИЛАТОВ. Скипетр и дубинка	28
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ. Футбол	32
И. МАРИНОВ. «А если это так, то что есть красота...»	32
В. ПЕТРОВ. От осанки — к настроению!	34
Н. БЫКАНОВА. Премьера чудо-девочки	36
Б. СРЕНСКИЙ. Всем прогнозам вопреки	38

На обложке

Американский футбол в России

Фото Андрея ГОЛОВАНОВА

425 (ноябрь)

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СПОРТИВНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Основан в июне 1955 года

**Орган
Государственного
комитета СССР
по физической
культуре и спорту**

Москва
Ордена Почета
издательство
«Физкультура и спорт»

**Главный редактор
Д. Л. РЫЖКОВ**

Редакционная коллегия:

**А. А. ГОРБУНОВ
Ю. В. КОРОЛЕВ
Ю. С. ЛУКАШИН
В. Г. ПОДГОРНОВ
В. А. ПРАВДИН
Н. П. СИМОНЯН
Л. И. ФИЛАТОВ**

**Технический редактор
Р. Р. Баруцци**

**Оформление
Ю. А. Ильичева**

Сдано в набор 21.08.90.
84 × 108^{1/16}
Глубокая печать
Усл. печ. л. 4,4 + 0,42 вкл.
Уч.-изд. л. 7,96
Усл. кр.-отт. 10,92
Тираж 160 000
Зак. 1559. Цена 50 коп.

Адрес редакции:
101421, ГСП, Москва, К-6,
Каляевская ул., 27
Телефон: 258-06-56

Ордена Трудового
Красного Знамени
Тверской
полиграфический комбинат
Государственного
комитета СССР
по печати
170024, г. Тверь,
пр. Ленина, 5

© «Физкультура и спорт»
Спортивные игры 1990 г.

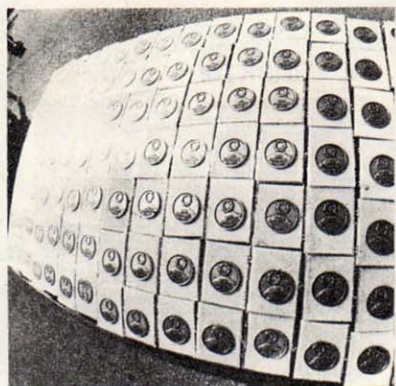
Мы получаем много писем, в которых любители спорта просят футбольные и хоккейные номера журнала, номера с материалами, рассказывающими о судьбе одного из братьев Старостиных — Петра Петровича, о жизни выдающегося в прошлом хоккеиста Ивана Трегубова, о хоккейной команде ВВС...

У нас нет возможности высылать номера «Спортивных игр». Но можем дать совет: подписывайтесь!

Поход в ближайшее почтовое отделение с девятью рублями шестьдесятю копейками в кармане завершится для вас тем, что вы станете обладателями уникальной информации: что осталось за кадрами чемпионатов мира; насколько «сладка» жизнь у выдающейся волейболистки Антонины Рыжовой; как «хозяин» Азербайджана Гейдар Алиев руководил спортом...

Подписка не ограничена, принимается на любой срок и с любого месяца.

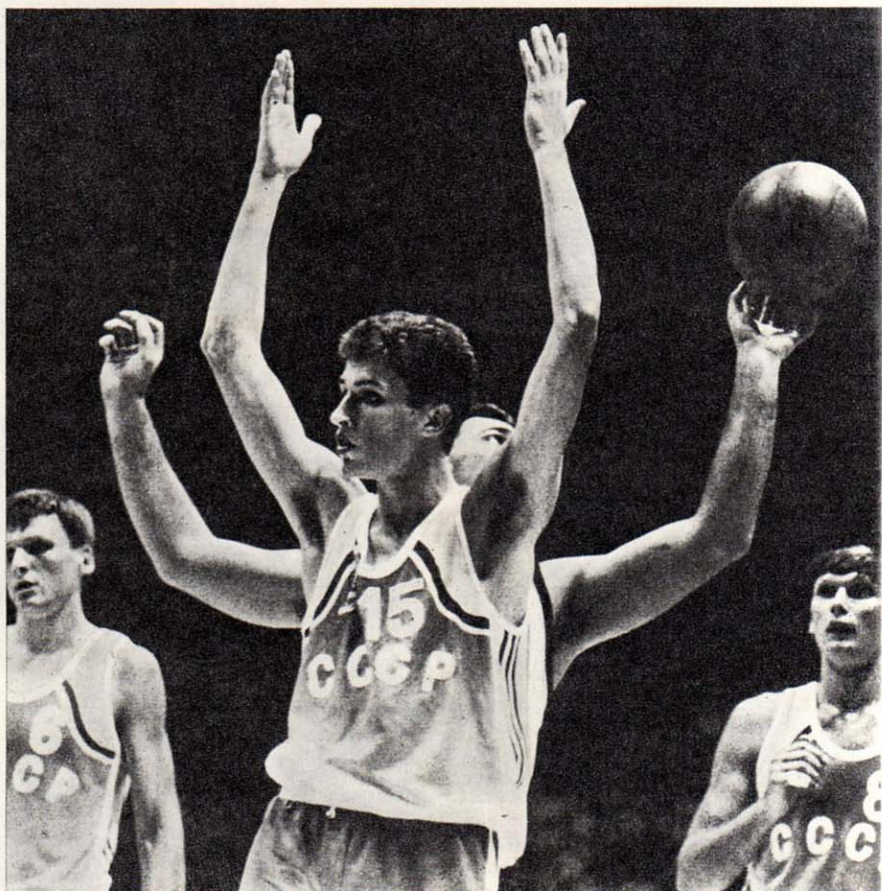
Уважаемые читатели! В случае обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться по адресу: 170024, Тверь, пр. Ленина, 5, Полиграфкомбинат.

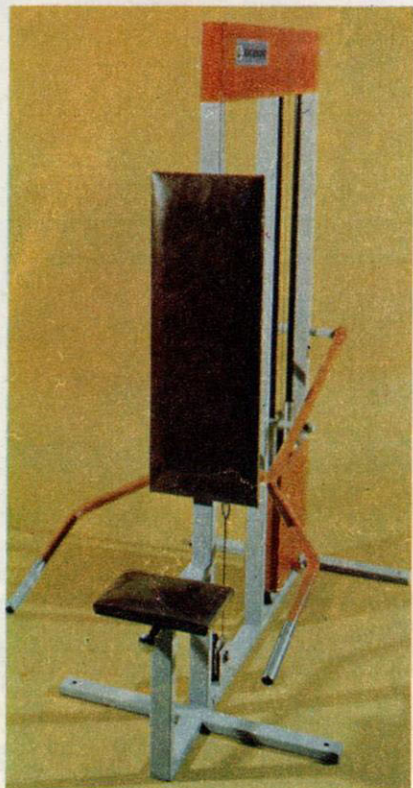

Мечта коллекционера — медали Игр доброй воли.

Баскетбол в исполнении многорукого Шивы.

Очередь за мячом — кто крайний?

**ВАМ ГАРАНТИРУЮТ ЗДОРОВЬЕ,
ПРЕКРАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ
И ХОРОШУЮ СПОРТИВНУЮ ФОРМУ
УНИКАЛЬНЫЕ ТРЕНАЖЕРЫ**

«КОНТИНГЕНТ-1»

«КОНТИНГЕНТ-2»

«КОНТИ-1»

«КОНТИ-2»

Комплекты «Контингент-1» (10 тренажеров) и «Контингент-2» (12 тренажеров) — для спортивного зала вашего предприятия, санатория-профилактория, оздоровительного центра.

«Контингент-1» и «Контингент-2» обеспечивают силу, ловкость, выносливость, быструю реабилитацию после различных заболеваний.

Конструкция тренажеров позволяет подобрать нагрузку в зависимости от уровня физической подготовки, пола и возраста.

Тренажер «Конти-1» — для физкультурно-оздоровительных занятий на предприятиях и в организациях, располагающих малыми площадями, а также для установки на морских, речных и промысловых судах. Одновременно на нем могут заниматься три человека.

«Конти-1» позволяет выполнять более 30 видов общеразвивающих упражнений.

«Конти-2» — универсальный складной тренажер.

«Конти-2» — это стадион в вашем доме, с помощью двух насадок для рук и ног позволяет выполнить более 20 физических упражнений. В рабочем состоянии занимает всего 1 квадратный метр, легко крепится к стене.

Эта продукция Московского производственно-кооперативного объединения «Контингент» демонстрировалась на международных выставках «Спорт-90» и «Здравоохранение-90» и завоевала заслуженное признание. Ряд тренажеров отмечены наградами ВДНХ и международных выставок, дипломами за высокое качество продукции.

**ТРЕНАЖЕРЫ
«КОНТИНГЕНТ» —
ГАРАНТИЯ УСПЕХА.**

МПКО «Контингент»
СССР, 119021, Москва, Олсуфьевский
переулок, дом 8, строение 6
Телефон: 246-48-68, 246-01-22, 263-19-64
Телекс: 411700 ptbsu
Телефакс: 2002217

Индекс 70875
Цена номера 50 коп.